

МЕТАФИЗИКА

КНИГА 4 из 7

СБОРНИК МЕТАФИЗИЧЕСКИХ ПОВЕСТВОВАНИЙ

Ред. 23.05.2023

vihrihaosa.ru

Хаустов Владимир Игоревич

2000 год.

vihrihaosa@mail.ru

г. Череповец

СОДЕРЖАНИЕ

№	Наименование	стр. №
1.	Неугомонный.....	3
2.	С утра шла война за независимость.....	14
3.	Змея.....	19
4.	Ночь была душной.....	24
5.	Комод.....	31
6.	Регистратор.....	40
7.	О свободном человеке.....	42
8.	Она.....	47
9.	Вспомнить всё.....	50
10.	Речной камень.....	57
11.	Здесь и сейчас.....	62
12.	Приложение.....	69
13.	Литература.....	70

1. НЕУГОМОННЫЙ.

Глазные яблоки были трусливы и манерно убегали от вилки, которую я держал во вспотевшей руке. В этот момент я напевал песенку и пытался одновременно пить воду из графина, держа последний за шею.

- Дерьмо, дерьмо, страна моя, весь мир покрыт дерьмом...
- Пел я, захлебываясь водой.

Яблочки, изящным маневром очередной раз ускользнув от вилки, свалились с тарелки на мирно спящего под столом моей квартиры друга Петруху.

- Хули надо?!
- Взревел тот проснувшись, но увидев меня успокоился.

Я пнул его ногой в вонючем носке. Тот заскулил на манер собаки, с той лишь разницей, что вдобавок выпустил из ноздрей дурно пахнущий желтый дым.

- Стиморол надо жевать. Потому как кариеса не будет.
- Посоветовал я ему.
- А он плавится в пасти, и к небу прилипает, как красная икра.
- Проворчал Петруха.
- Много ты, опоссум, красной икры слопал...
- Её жрать вредно, там свинцу много.

Я подошел к окну и бросил в окно сначала графин, потом вывалился сам.

Когда я упал из окна двадцать второго этажа на асфальт, прямо на осколки графина, позвоночник мой хрустнул, череп раскололся и в левой руке и правой ноге сломались кости. Так же ребра треснув, пробили грудную клетку и вылезли наружу, но больше ничего плохого не произошло.

Эка незадача, подумал я вылезая из разбитого тела. Непрочно-то как делают, тьфу!

Ко мне в тот же момент подскочил рогатый, разбитной черт, в надежде получить мою душу.

- Сдавать собираешься или как?
- Спросил он тоном, каким старая бабулька просит забрать пустую бутылку из-под пива.
- На реинкарнацию пойду.
- Сказал я и отправился к дыре в небе, вокруг которой по окружности располагалась надпись: "Реинкарнационный отдел"
- Да брось ты! На кой хрен тебе эта мука?
- Гундосил черт, оценивающим взглядом рассматривая мою душу, которую я нес подмышкой.
- Пшел вон, побируха! Работать иди кочегаром, лоботряс! А то в Аду холодно станет!
- Озлобился я.

Черт отстал, бормоча что-то нецензурное.

За надувным столом в приемной отдела сидел сильно растолстевший ангел и чудовищно ел селедку. Крылья его были ухоженные, но маленькие по сравнению с его объемистой тушей и пушистые. Своим видом ангел производил ощущение облака.

- Опять Гуллалеев! Ну чего ты все сюда таскаешься?
- Возмутился ангел на удивление высоким голосом. И скормил остаток рыбы небесной кошке, полосатой, с розовыми безволосыми крылышками, напоминающими крылья летучей мыши.
- Мне этот мир тоже не подходит!
- Заявил я и пнул кошку, которая принялась обхаживать меня сужающимися кругами и хищно мяукать.
- Ну!
- Удивился ангел и вытаращил на меня выпуклые, водянистые глаза.

- А что тебе подходит? Может тебя в ад не перевоспитание отправить?
- Брось ты эти сказки!
- Раздраженно сказал я ангелу.
- Ад, Рай... Все это церковная херня на постном масле.
- Гуллалеев, ты уже шестой раз воплощаешься... Поимей совесть! Чем тебе быть мышью не понравилось? Чего ты отравленного сыра наелся? Знал ведь, тунеядец, что сыр то отравленный!
- Ну, предположим, знал... Ну и что? А высоко разумное человеческое существо в мышиную шкуру засовывать
- Это что гуманно?
- Или вот сейчас.
- Продолжал ангел...
- Ну, какого хрена ты суицид устроил? А если бы ты своим телом кого прибил? Хрен бы ты тогда так поговорил. Тобой бы тогда “отдел принудительной трансфакции” занялся бы.
- Делать мне больше нечего, как кого-то прибивать своим телом.
- Проворчал я.
- Ладно, посмотрим вакансии...
- Ангел, рыгнув, покрутил ручку граммофонного компьютера на жидких нейтронах и посмотрел в пыльную медную трубу.
- Есть одно место... В камере смертников жизнь закончится. Только вот хрен тебе это место, льготы не будет! А то ты опять к нам придешь, да еще со статусом политического беженца. Нянчись тут потом с тобой. Подбирай мир по склонности, да прочие благопупости демократии.
- Я же вам план помогаю выполнять, толстая ты курица!
- Еще оскорбляет! Ух, эти перевоплощенцы! Есть люди как люди, сидят себе в нирване, а этот все в сансару лезет, будто там медом намазано. Просветляться когда будешь? А? Или ты тут вечно намереваешься бродить и время чиновников отнимать?
- Когда надо, тогда и просветлюсь, тебя не спрошу.

- Я снова пнул кошку, которая подобралась слишком близко.
- Эт точно, хули меня то спрашивать. И живых существ ты не любишь.
- Огорченно сказал ангел, провожая взглядом кувыркающуюся под куполом отдела кошку.
- Я кошек не люблю.
- Поправил его я.
- Иди в пятую кабину и приготовься.
- Сказал, вздохнув ангел - перевоплотитель.
- Куда на сей раз?
- Спросил я.
- Много будешь знать, скоро здесь очутишься - криво усмехнулся этот подлый гаденыш.

Хлюп. Чпок!

Я опять родился. Потом я вырос и стал человеком. Но, как водится, что со мной это уже бывало, я напрочь забыл.

Я стоял, разглядывая здоровенную свежую говяжью лепешку, по которой ползали зеленые благовоспитанные мушки.

- Ты меня ни капельки не любишь!
- Захныкала Кугиля и принялась платочком вытирать покрасневший нос.
- Да люблю я тебя, успокойся!
- Я зло высморкался с помощью большого пальца правой руки и посмотрел на жену. Ее бледное лицо с веснушками было похоже на свадебный торт.

Дура набитая, подумал я и еще раз высморкался, только теперь с помощью большого пальца левой руки.

На хрен я женился? Блин, придурок. Беременная она, как же. Кило лапши на уши навесили тебе, а ты и женился. Что б я еще трахался спьяну! Фигушки. Лучше онанизмом всю жизнь буду заниматься.

В небе на небольшой высоте проплыл дерижабль и врезался в эйфилёву башню.

Из разорванного дерижабля на землю посыпались туристы.

- Ты дерижабль неправильно пишешь.

- Сказал мне Microsoft Word.

- Умный больно... Дирежобль, что ли писать? От слова дирержор, что ли? Дерижор пишется по-русски. Ясно! От слова драть и жрать. А дерижабль сделан из жабьих шкур, потому и дерижабль. И вообще, отцепись, продукт импортный! Мой язык, как хочу, так и пишу. А ты вон за своими шопенгауэрами следи.

- Посоветовал я ему.

- А то на Лексикон сменяю, и пусть мне будет хуже.

Microsoft Word на это ничего не сказал, зловеще мигая толстым курсором. Он явно задумал какую-то гадость.

Я ударил кулаком в лицо жене и ласково сказал:

- Хватит хлюпать. Этот звук меня раздражает, кисонька.

Жена улыбнулась разбитыми губами и прижалась ко мне тощим телом.

Я знаю, что она подумала. Она подумала

- Бьет, значит любит.

Я взял ее за руку и потащил к нашему фургону.

Пока я разбирался с женой, наша лошадь сбежала из упряжи и ее съели волки. Я еще видел, как они доедают лошадиный труп на горизонте.

- Тебе наука.

- Я показал на волков. Жена всхлипнула.

- Аллах акбар!

- Заорал из повозки мой тесть, киргизский султан Ибн Хабиб Урюк.

Я его, недолго думая, послал покупать лошадь в Париже дав ему пачку ассигнаций, вырванных из Алмазной Сутры.

- Смотри ишака не купи!
- Напутствовал его я.
- Запомни, ишак вдвое меньше лошади, а жрет вдвое больше.
- Ассалам Алекум.
- Ответил мне тесть, кланяясь и быстро скрылся за ближайшим барханом.

Проворный старикашка, подумалось мне.

Я и не знал, что там, за барханом его укусила гремучая змея, полная гремучей ртути. Я это понял, когда прогремел близкий взрыв и на землю стали падать обрывки чалмы, ватного тулупа и ассигнаций.

- О ля ля! Неудача...
- Прокомментировал это событие я.

С повозки, сброшенная взрывной волной, упала теща. Баба с возу - кобыле легче. Но кобыла на данный момент времени отсутствовала.

Я послал ее вслед за тестем. То есть за лошадью.

- Без кобылы не жизнь...
- Сказал я в свое оправдание и развел руками.

Когда теща скрылась в направлении Парижа, я взглянул на темнеющее небо.

Мои глаза тут же заметили фашистского парашютиста - диверсанта. Я сразу понял, кто это такой, потому что на парашюте была криво намалевана гигантская свастика. А сам парашютист орал на всю округу "оле - оле" и "дойчен сольдатен унд дойчен парашютен". Должно быть со страху. К тому же из-под его парашюта шел дождь.

Фашист опустился прямо в центр волчьей стаи. И я видел, как к нему тут же подошел каюк, и они с фашистом на пару стали развлекать волков карточными фокусами и игрой на расческах. Съевшие лошадь волки, внимательно дослушали и досмотрели это дурацкое представление. Потом выстроились в шеренгу и молча ушли в ближайший лес, брезгливо подергивая ушами.

- Ну не жизнь, а малина!

- Вырвалось у меня.

Жена тут же полезла целоваться, и мы с ней завалились в фургон прямо на мешок с капканами, силками и динамитом. Ее юбка задралась мне на лицо и не видел, что делаю. Вдобавок, пока я настойчиво дышал, прямо за палец меня цапнул комар, окончательно осатаневший от собственной жизни.

Ночь я провел плохо. Меня тошнило и рвало. В животе работал перфоратор, а в голове китайцы испытывали турбину.

- Наверное я съел муху.

- подумал Я, когда совершенно голый, в пепельном свете луны сидел орлом посреди пустыни и читал обрывок “Морнинг стар”.

На горизонте кружили “Ирокезы” и высаживали в джунгли десант.

С южной стороны советский космонавт запутался в стропах системы спасения и висел на баобабе уже четвертые сутки. Скорее всего он уже погиб.

На западе разгорался восход.

На востоке стоял Кремль и оттуда доносились крики пьяных демонстрантов.

- Слива труду!

- Вызывающе орали демонстранты в этой южной ночи.

- Да здравствует третье мая! Пошли все на Хуй! Ура!

Я использовал цитаты из “Морнинг Стар” по назначению и полез под бок жене греться.

Утром жена умерла. Она подавилась кетчупом от жадности и теперь синела все больше, пока наконец жизнь не покинула ее брренное тело. Мне было ее немного жаль. Сейчас, мертвая, она напоминала мне задавленную грузовиком кошку.

Когда я похоронил ее тело, зарыв его в песок, и положив сверху ее чепчик, я понял, что жизнь у меня, как всегда, не сложилась.

Я вынул из мешка динамит, равномерно разложил его внутри повозки, обмотав каждую шашку детонирующим шнуром, сел в плетеное кресло, стоявшее в центре повозки и ткнул окурком в кончик детонирующего шнура, одновременно с этим сунув голову в настороженный медвежий капкан.

- Опять! - Ангел как всегда встретил меня недоброжелательно.

- Ну ты, блин, даешь...

Он раздраженно помахал крылышками.

- Что с тобой делать! Ну что тебе не живется. Дефектный ты какой то, что ли?

Я молчал. У меня на сей раз было плохое настроение, потому, что как раз перед смертью у меня кончилось курево.

- Твой последний шанс!

- Ангел потер ладошки и с хрустом откусил кусок краковской колбасы.

Я пнул кошку, которая устремилась на колбасный запах из под пластилинового шкафа. За время моего отсутствия она стала значительно толще.

- Сейчас, твой последний шанс. Уже есть решение, если ты не справишься, тебя трансфакируют.

- Это чмо торжествовало.

- Пошел бы ты, крылатый павиан!

- А, говори, говори! Это теперь вопрос решенный.

- Хихикнул ангел, обсасывая колбасную шкурку. Он приблизил свое бесцветное лицо в кудряшках белых волос ко мне.

- Трансфокируют. Пу-ууу!

- Ангел издал своими толстыми губами пукающий звук.

- Твой последний шанс! Дуй в пятую кабину.

Я пошел, вытирая с лица микрочастицы колбасного жира.

Чпок! Хлюп!

- Поздравляем у вас девочка!

А чтоб тебя. Издеваются!

Но с первым вдохом местного воздуха я опять начну все забывать и в предчувствии этого я злобно заорал, вернее заорала как взлетающий Як-38.

- У - тю - тю - в рот мне засунули что-то мягкое и теплое, в новом теле включился сосательный рефлекс, и я принялась сосать.

Что делать, думал я. Один хрен все забуду и начнется все сначала. Ну и пусть трансфакируют. На хрен мне такая жизнь, да еще бабой. Я хотел плюнуть, но чуть не захлебнулась маминым молоком, которое исправно поступало из ее сиськи.

Жизнь моя сложилась, как всегда, неудачно. Отец рано умер, отравившись болгарским фаршированным перцем, который на самом деле был китайским, в гостях у любовницы, и мать воспитывала меня одна. Она была вынуждена работать на двух работах, да еще надрываться, таская домой ворованные в проходящих мимо товарных составах свиные и говяжьи туши, чтобы прокормить свое растущее чадо.

Я выросла эгоисткой и лентяйкой, потому что, мать с детства баловала меня и не позволяла ничего делать самостоятельно. Единственное, что я умела делать собственноручно, так это красить губы.

Из-за нужды, я рано вышла замуж. Мой муж - министр обороны - вскоре погиб на очередных учениях. В горло ему попала маслина, когда они парились в бане с министрами и министервами дружественных стран.

Вызванные врачи ничего не смогли сделать, потому, что в приступе бессилия, вызванным удушьем, мой муж еще до их прибытия упал лицом на нагреватели сауны, один из которых, как выяснилось, был пробит на массу. Его друг, генерал Буадов, видя его мучения,

выстрелил ему в затылок из помпового ружья. Другие министры в знак уважения сделали то же самое.

Так, что к тому времени, когда прибыли врачи, им было мало, что спасать. Они конечно уверяют меня, что взяли у мужа образец ДНК, и когда ни будь в будущем, когда изобретут соответствующие технологии, то возможно, я получу своего мужа обратно. Они думают, что я дура. К тому времени, я уже буду наверняка старухой, а муж уже точно не будет министром обороны. Зачем мне будет нужен этот мальчик? И еще эта гадкая свекровь...

Надеюсь к тому времени она уже будет кормить червей в своей могиле.

Как бы то ни было, после смерти мужа, я в полной мере ощутила свое одиночество. Я поняла, что мне незачем жить. И сейчас, когда я пишу эти строки, передо мной на столе лежит единственная память, которая осталась мне от моего незабвенного супруга - одноразовый гранатомет "муха". Я уже знаю, что я буду делать с ним и еще с этим миксером...

- Ну все! Ты доигрался!

- Толстый ангел швырнул в урну обглоданную куриную ногу и гадко хихикнул.

- Трансфакируем!

Непомерно толстая кошка радостно и гадко мяукнула.

Бум.

Меня окружала темнота, и в этой темноте какой-то худой, изможденный дух носился над небольшой лужей воды, зависшей в пространстве. Я некоторое время витал в пустоте, пока до меня наконец дошло, какую гадость задумали со мной сотворить эти извращенцы.

- Ах, так?!

- Вскипел я.

- Вот вы значит, что решили! Собаки драные! Волки позорные! Гегемоны астральные!

Я в бешенстве и бессилии принялся носиться по пустому пространству, сам себе напоминая воздушный шарик у которого лопнула завязывающая его нитка.

- Бессмертным сделать надумали! Лентяи! Тунеядцы и паразиты!

Я развернулся и молнией пронесся сквозь толщу воды.

- Богом значится назначили! Бюрократы...

Возиться им видите ли надоело со мной. Ну сейчас! Сейчас я вам тут создам! Да вы у меня собственные языки проглотите, когда увидите, что я насотворяю! Слово вам! Будет вам такое слово, что мало не покажется! Короткое и выразительное. А Адаму я такую штуку прилеплю, что вы ему еще завидовать станете! И Еву из теста...

Или из чего там? Из глины? А! Из ребра Адама. Ну тут мы введем некоторые усовершенствования, чего хорошее ребро портить? Ресайкл систем, как это сейчас модно говорить. Безотходное производство. И еще... Главное змея не забыть создать, а то весь интерес пропадет.

Я прикинул масштабы открывающихся передо мной возможностей и ухмыльнулся.

- Ну что ж, приступим....

- Я злобно и радостно потер свои старческие ладошки и лихо сдвинул нимб на затылок...

2. УТРА ШЛА ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ.

Первыми в город вошли врачи. Они шли спокойно, в белых халатах с тантрической свастикой, вышитой на нагрудных карманах. Их бритые головы были гладкими, розовые математические фигуры без лиц, без признаков пола. Они шли, не касаясь земли, словно облака пара плыли над дорожной пылью.

Следом шли батальоны. Люди двигались параллельными колоннами по пять в ряд и стреляли друг в друга из длинных блестящих винтовок. Враг был повсюду. Он висел на ветвях деревьев прошлогодними листьями, он висел в небе облаками, он тянул к земле непонятной силой, он проникал в души соблазнами и рвал сердце тоской по утраченной красоте. Солдаты хотели быть независимы и от этого были злы. Их командир в красно - черной ермолке с гвоздикой на околыше гарцевал впереди на белом коне и размахивал в воздухе длинной, похожей на змею, турецкой саблей и звал за собой в объятия смерти. Танковый дивизион, где под стальной корой затаились люди, полз по оврагам пугая лис и тетеревов бессмысленностью и неумолимостью своего движения.

Самолеты в воздухе звенели турбинами, пронзали пространство, чтобы позже рухнуть на землю смесью плоти и дюралюминия, но до того стремясь излить из своих утроб жажду огня.

В воздухе висел чад и смрад.

К вечеру в городе не осталось спокойно висящего времени. Грязные фонари, кривые и жалкие зажглись могильным огнем освещая тела, лежащие на теплом асфальте среди кирпичной пыли, битого стекла и ржавых бочек из-под красной краски. Враг оставил после себя еду, и солдаты ели запивая куски пищи из мутной реки по которой плыли трупы. Командир долго пил из бочки вместе со своей лошастью, а к вечеру умер от ран и его красно - черная ермолка валялась возле

него в пыли, пока ее не подобрал какой-то деревенский парень, желавший власти и славы.

Врачи тем временем прошли в операционную где в большом медном котле варились грибы и пахло дымом. В их движениях было величие нации. Они вошли длинным строем и впереди несли знамя с волнистой окружностью в круге. За ними двигались карлики. Они ехали на велосипедах и били в маленькие барабаны, обтянутые войлоком. Их предводитель постоянно просил пить и жалобно стонал, гадко ухмыляясь.

Роан Под'як в это время лежал в белой емкости ванны. Он выглядел сытым и здоровым. На его теле находилась одежда, как это и было принято. За окном розовые доярки доили коров. Роан смотрел как колыхалось молоко.

- Случай помог мне составить состояние. - говорил он густым басом. - нет никого кто сказал бы иначе. Смысл требует соблюдения приличий до определенного момента.

Он задумался и стал жевать травинку, попавшую в рот. Руками он теребил бугор на штанах в центре тела.

- Сон разума порождает чудовищ - сказал он известную фразу от которой несло политикой - например толпа. Что хорошего можно сказать о толпе? Она всегда существует отдельно.

За окном двое солдат устанавливали низкую, похожую на бидон мортиру, которая своим жерлом смотрела прямо в окно. Они шутили и заигрывали друг с другом.

- Толпа - это бич божий в одном месте и благодать в другом. - размышлял Роан Под'як разглядывая налет ржавчины на дульном срезе мортиры. - Она как дух нации, всегда свежа в желаниях. Сегодня она хочет любить, а завтра есть. Но приходит день, когда в своем непрерывном движении она будет желать своей смерти...

Мортира за окном рыкнула, выдохнув огромный чугунный шар. Он залетел в комнату выдавив раму и тускло сверкнул, разорвавшись на части и убив Роана. Вода в ванной стала красноватой как реки Египта в день Казней.

Врачи плотоядно взволновались. Они стали доставать из багажного отделения кошелки, саквояжи, чемоданы, разную снедь, разворачивать заботливо укрытые пергаментом и смазанные солидолом зловещие инструменты. Они любили любое тело, даже если в нем еще теплилась жизнь, а возможно именно в силу этого. Может быть, они хотели понять, как жизнь покидает тело. Их было много и каждый ждал своей очереди. Это было похоже на ожидание совокупления, когда подростки стоят в очереди к единственной проститутке.

Роана доставили в больницу солдаты - артиллеристы. Солдаты несли его обвисшее тело с которого стекала розовая вода и по-прежнему заигрывали друг с другом. Его положили в чан с грибами, теплый и душный и подождав санитарку ушли, плотно закрыв за собой дверь. Он все еще не ощущал боли.

Потом его посадили в зубоврачебное кресло и несколько врачей стали вокруг него. Он ничего не мог прочитать по их лицам и поэтому стал смотреть в грязную стену. В здании где находилась больница раньше располагалась бойня и в зале все еще стояли деревянные перегородки и висел запах страха. Длинные, толстые кабеля тянулись по стенам, словно вздувшиеся вены и ветер со скрипом качал лампы под потолком, подвешенные к ржавой трубе.

Врачи, сняв крышку черепа что-то делали с белой пластиковой слизью которая была его мозгом. Роан видел все со стороны, заглядывая сквозь спины врачей. Он видел, как в каждом из них крутятся колесики их механизма, как мысли словно густая тягучая жидкость перетекают от одного к другому. Он видел свое тело,

перетянутое ремнями лежащее в кресле одеждой, брошенной на спинку стула. Врачи стали подсоединять к телу какие-то трубы с массой кнопочек и тогда он понял, что все движется сквозь пространства, даже не сквозь, а огибая их, обтекая, как вода обтекает в своем движении камни. Тело его сообразно этому течению стало меняться, словно невидимые пальцы лепили из пластилина новую форму. Роан испугался, что теперь навсегда будет уродом, потому, что уловил недоумение в мыслях врачей. Но вдруг ему стало весело. Роан ощутил, что сильнее, мудрее их. Что их знание - всего лишь шутка, к которой врачи относились слишком серьезно, и он понял, что будет жить потому, что бессмертен.

Он последний раз взглянул на свое тело, которое врачи лихорадочно перекраивали, стремясь вернуть ему прежний облик, засмеялся легким ветерком и сменив направление прошел сквозь стену, сквозь замерзшие туши коров, висящие в холодильнике, сквозь электричество проводов оставив врачей и одежду своего тела. Он брел в своей естественной наготе, таким, каким был до того, как родила его мать.

Роан Под'як в это время лежал в белой емкости ванны Он выглядел сытым и здоровым. На его теле находилась одежда, как это и было принято. За окном розовые доярки доили коров. Роан смотрел как в них колыхалось молоко.

- Случай помог мне составить состояние. - говорил он густым басом.
- нет никого кто сказал бы иначе. Смысл требует соблюдения приличий до определенного момента...Момента? Он вылез из ванной. За окном солдаты устанавливали похожую на бидон мортиру, ее жерло смотрело к нему в окно. Он видел пятна ржавчины на дульном срезе. Увидев его в окне, солдаты приветливо помахали ему руками и продолжили свое занятие. Они опустили тяжелый шар ядра в темное пространство внутри мортиры и теперь смотрели друг на друга, улыбаясь и

поглаживая друг друга по загорелым рукам. Все это он уже видел во сне. Дальше во сне шел мрак и радость. Роан спустился во двор и подошел к солдатам, один из них уже зажег фитиль. Мортира рывкнула. В квартире Роана полыхнуло огнем и было слышно, как падают куски штукатурки и что -то металлическое катается по полу с баннным звуком.

- Не успели - проворчал один из артиллеристов.

- Противник скрылся - поддакнул другой - Но смотри как я загорел!

Он расстегнул куртку и спустил свои штаны мельком посмотрев на Роана. Второй артиллерист уставился на указывающий в небо кривой уд и облизнулся.

- Любовь, как и война сугубо мужское дело - словно извиняясь сказал он и они, сбросив одежду и обнявшись скрылись в подъезде где еще кисло воняло сгоревшим тринитротолуолом.

3. ЗМЕЯ.

... Джереми Мун, шести лет отроду, деловито и несуетно собирался. Сегодня его ждал трудный день. Сегодня начинались манёвры. В том, что день предстоит не из лёгких, мог убедиться каждый, кто был в состоянии выглянуть в окно, потому что сделай он это, он не увидел бы ровным счётом ничего. Ничего из того, что рутиной обыденности каждодневно проявлялось на фоне заштатного, богом забытого армейского гарнизона.

Немыслимо-защитного цвета машины, без усталости взбивающие дорожную пыль своими тяжёлыми квадратными задами. Снующие здесь и там, в шальном упоении долга, газельные, розовощёкие лейтенанты. Солидные двухъярусные фуражки старших командиров, устало кивающие друг другу при встрече. Возвратно-поступательные шеренги солдат, строевой дробью шагов чеканящие плац. Пара - тройка бездомных псов, не за страх, а за совесть, добровольным караулом бдящая воинскую столовую. Офицерские жёны-кокетки, рассеянно - глупыми улыбками тающие под жаркими взглядами усатых ядрёных сержантов. Словом, всё это забродившее содержимое грядущего дня, расплескалось под тупыми, мерными ударами рёва ночной сирены.

Поутру жизнь военного городка замерла.

Тактические учения! Вчерашний приказ был краток, а приказы, как известно, не обсуждают.

Джереми Мун осознавал всю важность поставленной задачи и потому не спешил в сборах. То, что весь личный состав мотострелковой бригады, затемно поднятый по тревоге, кованым топотом гуталиновых сапог торопливо растворился в ночи, мальчика нисколько не смущало. Это было не в первый раз. И бестолковая всеобщая сутолока,

неизменно предварявшая манёвры, уже не могла сбить его с толку, а лишь слегка раздражала.

Наконец всё было готово. Ещё раз, придирчиво осмотрев себя, мальчик остался доволен. Просторные парусиновые штаны двумя большими пуговицами были наглухо пристёгнуты к лямкам, крестом захлестнувшими спину. Непокорные шнурки синих, линялых кед, не в пример другим, более взрослым ребятам, были умело укрощены бантиками - махаонами. Полупрозрачный целлулоидный козырёк надвинутой на глаза кепки, надёжно фильтровал отвесные солнечные лучи. Сухой паёк, рыжим краешком колбасы, в постоянной готовности выглядывал из единственного, но очень вместительного нагрудного кармана. Теперь в путь!

Его личный командно-наблюдательный пункт находился в полуторачасовом удалении от дома. Место, известное только ему, было замечательно во всех отношениях.

Вздыбленная высоким холмом земля, гранитной залысиной обращённая в сторону учебного полигона, позволяла держать в поле зрения всю панораму условного сражения и любое, даже самое незначительное перемещение вероятного противника, не могло ускользнуть от бдительного взора "главнокомандующего". Заболочено - квакающее подножие холма, плавно переходящее в крутые, трескучие заросли щетинистого кустарника являло собой серьёзное препятствием любому вражескому лазутчику, коварно задайся он целью, - незаметно овладеть высотой. Более того, нахлобученная боком на самую макушку возвышенности каменистая проплешина, усеянная разнокалиберными булыжниками, была окантована высокой травой, что позволяло "главнокомандующему" оставаться на своей позиции незаметным, а это имело для него решающее значение, ибо лишних неприятностей он не искал.

Медленно, в такт шагам, картина предстоящих манёвров разворачивалась перед мысленным взором ребёнка. Он уже видел ленивые, воронёные танки, которые словно упитанные поросята, глухо урча, уныло бороздили долину. От вертлявых неугомонных солдат прыгучими кузнечиками порхающих взад - вперёд, уже сейчас рябило в глазах. Зудящие, пузатые вертолётёты, время от времени назойливыми стрекозами объявлялись в самых неожиданных местах. Нарочито - небрежно рассыпанные ватрушки бутафорских мин изредка давали знать о себе чадящими фонтанами грязи.

Привычные фрагменты легко складывались в узнаваемую мозаику учебного боя. Оставалось преодолеть последний подъём и можно лично убедиться с высоты своего положения в том, что и на этот раз всё происходит в соответствии с замыслом.

Самозабвенно карабкаясь по склону, Джереми Мун не сразу заметил некое неуловимое, плавное изменение, произошедшее вокруг. Спohватившись, в позе ящерицы-агамы минутной паузой, он понял, что это всего лишь на всего тишина, что гудящее месиво звуков маневрирующего полигона, сопровождавшее его дорогой, молча опрокинулось в далёкое эхо, а секунды вдруг показались отдельными, не связанными друг с другом промежутками времени.

Это не обескуражило, но насторожило. Спешно распластавшись в траве, он на всякий случай, решил проделать короткий завершающий отрезок пути по-пластунски. Замысловатой вязью витиеватых движений ужа мальчик осторожно скользнул к щербатым валунам, опоясывающим вершину и сколько возможно, приподнял над высокой травой голову в немом вопросе.

То, что он увидел, повергло в шок.

Страх, электрическим разрядом парализовал плоть. В сетчатку глаз через широко распахнутые немигающие зрачки, магниевой вспышкой света печаталась тёмная фигура человека. Закинув ногу на

ногу, скрестив поверх колен кисти рук и слегка подавшись вперёд, сидящий в полном безмолвии человек, курил. Мало того, он занял самый любимый камень мальчика - такой плоский, такой тёплый и такой шершавый. Лёгкое покачивание спины незваного гостя выдавало степень его крайней сосредоточенности.

Однако страх заключался не в том, что это был человек. Малыш уже несколько раз видел людей. И даже не в том, что чужой разведал такое прекрасное место и теперь наверняка полюбит его. А в том, что Джереми Мун сразу узнал этого человека. Он вспомнил этот затылок, эти плечи, эту свесившуюся ладонь, эту зажатую пальцами вонючую сигарету.

На короткий миг, вывернувшись изнаночной стороной, память разом обрушила призрачные, хрупкие построения здравого смысла.

Но вот, почувствовав чьё-то присутствие, человек стал нехотя, словно в замедленном повторе, поворачивать голову. Упругая волна липкого, животного ужаса мгновенно свернула кольцом тело мальчика и ударом освобождённой пружины инстинкта самосохранения швырнула его вниз по склону.

Серебристой молнией летел он прочь от этого страшного места.

... Бригадный генерал Джереми Мун, тридцати шести лет отроду, пожалуй, впервые в своей жизни был по-настоящему счастлив. Наконец он здесь, на той самой вершине холма, где когда-то им, совсем ещё мальчонкой, была обронена частичка чистой детской души, которая все последующие годы, мерцающим светом далёкого созвездия, нестерпимо влекла к себе.

Нахлынувшие воспоминания детства, тоской по утраченной свободе, сладко щемили огрубевшее сердце. Как вдруг, вкрадчивое шуршание травы за спиной прошлось холодком вдоль позвоночника. Резким поворотом головы он успел застать лишь чешуйчатый блик, да уходящий шелест травы.

"Змея" - брезгливо вздрогнул генерал. Он не любил змей, потому что боялся их.

"А ведь раньше этих тварей здесь не было" - с досадой подумал он, быстро шагая прочь от этого, ставшего чужим места.

Вечерним транзитным поездом оканчивался его генеральский отпуск.

4. НОЧЬ БЫЛА ДУШНАЯ.

Где - то в темноте невидимая глазу лаяла собака и ее вой протяжный и тонкий уносился ввысь к известному лишь им, собакам, их собачьему божеству.

Данилову не спалось. То подушка казалась ему длинной как простыня, то свет льющийся от причудливо - оранжевого фонаря заводил в нем тоску, то думы, внезапно нахлынувшие в его ночное сознание, становились навязчивыми, как пьяница на остановке. А теперь ко всему этому добавился заунывный собачий вой, перемежаемый неуверенным потягиванием.

Данилов вертелся на кровати отчего простыня под его телом сбилась, обнажив бледный матрас, который в свете фонаря выглядел нереально и чуждо. В темноте, притаившейся в комнате чудилась Данилову иная, нездешняя жизнь и призрачные тени мелькающие в его раздраженном сознании будили в нем неотвязчивый детский страх. Он хотел, протянув руку, зажечь лампу, которая, как он знал, находилась на тумбочке в изголовье кровати, но не стал этого делать потому, что с электрическим светом приходила скука от знания привычного мира вещей, а эта ночная темнота была странной и пустой и в ней не было известных ему привычных ощущений. И он лежал, растворяясь в жуткой смеси темноты и оранжевого света фонаря в длинной тени от занавеси на окне и в голове его бродили туманные образы.

Сейчас его голова напоминала ему коммунальную квартиру полную тусклых событий и пахнущую плесенью и тараканами. Но сквозь знание обыденных вещей просвечивало удивление от жизни, от всех ее линий и бурлящих цветных водоворотов, где, искажаясь пропадали привычные лица знакомых и им начинали соответствовать события внутренней жизни. Постепенно звенящая пустота страха отступила и вокруг, словно у слепого после операции, вернувшей

зрение, стали проступать сначала неясные, а затем все более отчетливые видения, которые вскоре заслонили собой привычную колышущуюся темноту, полную страхов...

Он сидел на длинном высоком деревянном постаменте и смотрел как сверху, из бурлящей бездны свешивалась белая, мутная лампа, неуклюжая и неприличная, словно лопнувшая звезда.

Его руки выростали из пространства образуя молочное тело, колышущееся от дуновения ветра, а вокруг в суе ломанных многоугольников, трепетала жизнь. Стены домов, которые были внизу, обнажали убранство комнат и затхлый запах человеческого существования в суе вещей.

Постамент все рос и рос унося его все выше и выше и со стороны это выглядело так, будто прорвало трубу и фонтан хлещет вверх, поднимаясь выше верхушек деревьев.

Вокруг клубился туман, клочковатый и непохожий на тот утренний туман, которым бывают окутаны луга в предрассветный час. Этот туман был липким и душным и пачкал ладони от прикосновения к нему.

Тело Данилова стало пульсировать, будто в нем боролись неведомые духи, и он ощутил, как внезапно одна половина его стала злобной и агрессивной и испугавшись себя бросилась бежать сквозь клочья тумана, а вторая половина ощутила горечь и тяжелое чувство потери. Он стоял, глядя на свои ноги и решал, как жить. Ему казалось, что он сломал какой - то механизм внутри себя и теперь ему остается только мириться с этим.

Туман рассеялся и только теперь он понял, что земля под ним несется вперед, унося его, его тело в неведомую, изломанную даль. Вокруг все двигалось, меняя очертания и формы и в этом бурлящем пространстве и сам он ежесекундно менялся, принимая различные формы и страдал от этого. Он то становился громадным, вырастая до выпуклого, словно шар неба и тогда все росло вместе с ним, то

мгновенно уменьшался до размеров бактерии и все, что было вокруг него становилось маленьким и неприличным. Мечущиеся тени плясали вокруг него и касались его осторожными теплыми движениями. Данилов ощущал, как вокруг него качается гигантский маятник, и от этого все пространство казалось зыбким и ненадежным.

Внезапно его тело споткнулось о торчащий из длинной полосы в струящейся земле радужный столб и взмахнув руками свалилось в бездну. Вокруг него стали мелькать металлические пролеты лестниц, спиралями поднимающиеся вверх. По ним ползли огромные раскаленные муравьи, таща на своих спинах белые неприятные личинки. В тишине было слышно, как шуршат их лапы.

Он посмотрел вниз. Спираль лестниц свивалась в тугую нарезку автоматного ствола, и он несся туда, к черной точке выхода, к двери, которая как он знал вела в никуда. Данилов ждал падения и в ожидании этого в груди поселился щекотливый холодок испуга. Дальше наступила темнота и чувство облегчения, словно он сбросил с своих плеч невыносимый и чудовищный груз.

Его тело лежало на песке и чувствовало его поверхностью кожи. Пора было вставать, потому, что где-то в глубине звенел будильник и его звон раздавался в гулкой пустоте звоном погребальных колоколов от которых замирает душа. Данилов попытался поднять свое тело, но понял, что оно уже занимает вертикальное положение, а песок - это просто время, теплое и шершавое. Время, сочащееся из будильника от толчков механического сердца внутри сложного механизма.

Данилов сел в резиновую лодку и поплыл по черно-белой грязной реке, текущей среди проталин в снегу, из которого торчали стволы берез. Стоя на коленях он погружал фанерное весло в струящуюся жидкую грязь, густую и тягучую и лодка легко плыла вперед. Он знал куда он плывет, но не мог бы этого сказать, потому, что здесь не было слов.

Черный мрак присутствующий в тени, белизна света делали мир объемным настолько, что он становился причудливо выпуклым и провалы теней и выпуклости света рисовали непривычный глазу ландшафт. От этого все становилось другим, и Данилов понимал, что можно упасть внутрь тени и падать так, как он уже падал в своих воспоминаниях, а свет, наоборот, казался ему высокой горой, и с вершины ее можно идти ровно, не боясь падения. Но он боялся лезть на эту гору, ибо не знал, где у нее вершина.

Река текла среди заснеженных берегов с мрачными черными проталинами и в них были видны блестящие прожилки воды. Вода стекала в реку и тут же становилась грязной.

Лодка качнувшись проплыла над порогами из черных скользких камней через которые с тошнотворным шипением перекачивала грязь. Повинуясь мимолетному чувству Данилов встал в неустойчивой лодке, и усилием воли заставил себя взлететь. Сначала он летел с трудом, будто внизу его была подвешена огромная чугунная гиря, но позже осознав, что ничто не мешает ему лететь полетел быстрее в клубящейся темной мгле, подгоняя свое тело желанием полета.

Он пролетал над паркетными полами, на которых механически танцевали часовые фигуры, над фабриками, из труб которых шел душный дым, над гигантским морем в котором плавали прозрачные ледяные рыбы. Он летел над желтыми кронами деревьев и внутри него царила светлая радость осознания своей полноценности. Темные провода высоковольтных линий будили в его душе страх и неизбежно, темная, мрачная сила влекла его к ним, к тонким паучьим нитям протянутого в пространстве, концентрированного страха. Тогда он начинал падать и что бы не упасть совсем на расстилающиеся внизу груды битого кирпича, принимался усиленно махать руками, как птица машет крыльями, борясь с ветром.

Данилов опустился внутрь квадратного помещения, состоящего из стен с окнами, закрытыми ржавой металлической сеткой, без крыши, с деревянными стеллажами вдоль стен, на которых лежали свернутые и перевязанные лохматыми веревками армейские матрасы. На нижнем из стеллажей сидела женщина в синем рабочем халате, надетом на голое тело. Это была одновременно и мать Данилова, и его первая жена. Он остановился в недоумении глядя на загорелую кожу в проеме халата.

- Ты зачем взял ложку из соусницы? - строго спросила Мать-Жена.

Он хотел что - то ответить, как - то оправдаться, но жена - мать притянула его к себе и принялась взапуск целовать его в губы совершая ненужные движения своим огромным телом. Данилов вырвался и бросился бежать наперекор воющему в ушах ветру.

Он бежал по городу, по набережным и его торопливые шаги с грохотом отражались от стен. Он чувствовал ужас внутри себя. Он боялся черных окон, черного отверстия канализационного стока, громадных голубей, сидящих на подоконниках.

Красно-коричневое небо, прочеркнутое линиями электропередачи было чужим, а темно - коричневые облака имели зловещие очертания.

В подворотне одного из домов стоял старый кривобокий шкаф, в открытой дверце которого зияло треснувшее зеркало. Данилов почувствовал, как какая-то неумолимая сила затягивает его внутрь этого зеркала.

Там, внутри, играл орган и горели свечи.

Черный человек стоял к нему спиной, склонившись над церковным столом, на котором распростерлась желтая говяжья туша. Он совершал какие - то странные движения, словно боролся сам с собой и от этого говяжья туша сотрясалась и раздавался тяжелый вздох.

Тело Данилова словно вмерзло в пространство. Он сознавал, что никакого пространства нет, что есть только этот черный человек и от него исходит то, что может выглядеть как пространство.

Карлики вокруг костра завели хоровод. Они били суковатой дубиной по медному тазу и пели тихими, звенящими как турбины голосами песню без слов. На головах их были надеты мешки, а тела были голые и потные.

Черный человек повернулся к Данилову. От него исходил такой ужас, что Данилов почувствовал, как внутри его тела что - то рвется.

Карлики по старушечьи заверещали и стали прыгать вокруг костра в бешенстве.

- Это наша земля! Это наша земля! И мы должны ее есть! Есть!

Они упали на колени и с рычанием принялись поедать землю. Черный человек протянул к нему длинные светящиеся руки и глядя ему в глаза своими белыми зрачками стал шептать:

- Я есмь истина и смерть. Истинно говорю вам - не ищите и обрящите. Руки твои - мои руки, ноги твои - мои ноги, голова твоя - дом мой...

Ужас рвущийся изнутри прозрачного тела Данилова взорвался в воздухе ослепительной багровой вспышкой. Обломки мрака долго клубились в воздухе черными больными птицами, а Данилов в шоке стоял посредине белого кубического пространства и икры его болели от напряжения.

Мир крутился вокруг него пепельным вихрем в котором изредка проносились сполохи света. Люди проходили сквозь него, не замечая этого и Данилов горько смотрел им в след.

- Я один, я всегда один. Я иду сквозь миры, но они не держат меня, и я прохожу сквозь них. Я нигде не дома и нет мне покоя - жаловался он радужной русалке, сидящей на унитазае.

- Это потому, что я боюсь. Я боюсь других людей, я сделал их бесплотными, что - бы они не мешали мне шелестом своих тел. Миры

слушаются меня, но только тогда, когда я не хочу этого! Бесплотные люди послушны моей воле, но посмотри какие они уроды. Где мне взять настоящее?

Русалка с плеском нырнула.

- Что такое любовь? - задумчиво спросил Данилов глядя в серое отверстие стока, в котором еще волновалась вода, потревоженная русалкой.

На стене оклеенной зелеными обоями в золотой цветочек мигнула зеленая лампа. Данилов вышел в ванную и погрузился в облако горячего, влажного пара.

Проснувшись он долго сидел на кровати глядя в суету машин за окном. Солнце заливало покатые крыши старых домов своим суетливым светом и в воздухе висела жажда действия. Данилов встал, привычным жестом натянул на ноги старое синее трико и принялся смотреть на стену, где в сальном пятне от головы торжественно сидела муха. Он чувствовал, как где-то в глубине его памяти, словно "Титаник" напорвшийся на ледяную гору, тонет воспоминание о тесном, мрачном пространстве где он провел ночь. Но оно, это пространство тем не менее казалось ему теплым и родным, и он с тоской смотрел на плоский и пыльный мир за окном. Мир, в котором машины ехали по телу огромной женщины, а люди, окруженные облаком своих забот, несли в руках невидимую им смерть невидяще глядя в вечность, и глупо улыбаясь огромной бомбе, зажженной в небе.

5. КОМОД.

Осталась любовь и

ожившие камни...

Ю. Шевчук

Это был огромный, широкогрудый, крупный в кости, длинношерстный пёс-волкодав изумительного пепельно-серого окраса. При взгляде издали складывалось впечатление, что он весь покрыт инеем. Весь, кроме морды.

О ней же надо сказать отдельно, потому что она являла собой его характерную особенность. И как всякое проявление индивидуальности наложила свой отпечаток на характер, на имя и, соответственно, на всю судьбу пса.

Непропорционально-большая морда была цвета чёрной, безлунной ночи, отчего даже с близкого расстояния сторонний наблюдатель не сразу мог определить - намордник ли это на нём или такова она по своей природе. Твёрдый, широкий лоб гофрами складок плавно переходил в демоническое куполообразное утолщение затылочной кости. Объёмная пасть, несмотря на свои размеры, не могла полностью вместить передние клыки, поэтому они всё время пребывали в состоянии полу оскала, отнюдь не вызывая к собаке симпатии. Коренные зубы напротив, были наглухо зашторены, словно тяжёлыми портьерами, влажными обвислыми щеками, из-под которых непрерывно вытягивалась сосульками слюна. Брови, посредством постоянных усилий удерживались в приподнятом состоянии, что придавало физиономии достаточно глупый вид. Нижние веки, казалось лишённые всякой мышечной опоры, безвольно болтались мешками. Добавьте к этому выпуклые, словно стеклянные протезы глаза, и станет ясно, что лучшего имени, чем Комод такая морда не заслужила.

К тому же, на помощь природе в её творческих усилиях, пришёл человек. Собачье подсознание хранило память о том, как чьи-то сильные руки, крепко ухватив пальцами за тонкие, словно промокашка, хрящики ушей, властно приподняли его, - этот только что народившийся маленький шерстяной комочек, и резко встряхнули. Боль и недоумение, оставшиеся взамен крохотных лепесточков, оторванных под самый корень ушей, послужили ему пропуском в этот мир.

Так или иначе, полное отсутствие ушей стало данностью и, как показало время, не такой уж и плохой. К примеру, в драке он теперь мог с любым противником проделать ту же самую процедуру, причинив тому гораздо больше страданий. Хотя, что касается драк, то они случались крайне редко по двум основным причинам. Во-первых, свобода перемещения собаки с раннего возраста была ограничена длиной поводка и коротким словом «рядом». Во-вторых, несмотря на свою угрожающую внешность, это на самом деле был умный, добрый и весьма понятливый пёс. Старый, как мир постулат, утверждающий, что за внешним - явным и грубым, всегда сокрыто тайное и утончённое, нашёл здесь свою полную реализацию. Однако многие люди, как уяснил впоследствии пёс, не знали этого, они просто не понимали, что такое имеет место быть, а потому обозревали и оценивали лишь внешнюю, присущую вещам и явлениям форму.

Многие, но только не хозяин. Он понимал пса. Собака это чувствовала и отвечала тем же. Сказать самому себе, что это любовь, пёс не мог, поскольку не улавливал смысла, вкладываемого людьми в это слово. Он слишком часто слышал, как они произносят его в совершенно казалось-бы немыслимых, взаимоисключающих обстоятельствах. А потому просто уверовал, что они с хозяином неразделимое и нерасчленимое единое целое, и осознание этого единства сделало для него несущественным всякое словоблудие.

Оставаясь в квартире один, Комод иногда подолгу стоял перед зеркалом, склонив голову набок. Он рассматривал своё отражение и который уже раз мысленно соглашался с хозяином в том, что тот, как всегда прав, не давая ему полную свободу. Отпусти его сейчас на волю и неприятностей не избежать. Не каждая собака, не говоря уж о человеке, поддержит его предложение поиграть, порезвиться или просто побегать. В лучшем случае - шумная драка, если партнёр достойный, в худшем - проклятия в спину от парализованного страхом слабака.

И всё же в его жизни случались дни, когда предоставленный сам себе он мог делать всё, что ему заблагорассудится. Эти незабываемые дни хозяин называл рыбалкой. Комод всегда их ждал, а ждать, как и всякая собака, он умел и знал в этом толк. С достоинством, преисполненным терпения, уверенности и спокойствия пёс свято верил в то, что желаемое рано или поздно произойдёт.

И вот сегодня этот день наступил. Ранний, летний, серый рассвет только- только занимался, когда двое - человек и собака уже были в пути. Пёс шёл уверенной сильной поступью, ритмично покачивая пушистым опахалом хвоста. Всем своим видом он проявлял, как и подобает солидной собаке, полную отрешённость. Пес уже давно понял, что предчувствие свободы приносит такое же удовлетворение, как и сама свобода, а потому без особых усилий держал заданный хозяином неторопливый, размеренный темп.

А человек явно не спешил. Часто останавливаясь, он задумчиво смотрел в даль, прижимая руку к груди. Тогда пёс терпеливо усаживался рядом, прищуривал глаза и с удовольствием втягивал своим влажным, чёрным, словно лакированным носом, прохладный утренний воздух, пропитанный прекрасными запахами нарождающегося летнего дня.

Так, не спеша, с остановками, молчаливые спутники вышли к невысокому прибрежному обрыву, пологие земляные откосы которого утопали в золотистом песке. Там, внизу, между длинными белыми песчаными косами петляла речка. В этом месте её плавный изгиб образовывал тихую заводь, охваченную полумесяцем песчаного пляжа с двух сторон зажатого зарослями ивняка.

Отсюда было видно, как на одном его конце, видимо еще с вечера, разбила свой лагерь немногочисленная группа рыбаков. Изглоданные огнём ночного костра головёшки слабыми искорками мерцали под шаткой конструкцией, состоящей из прокопчённого котелка, кривой перекладки и покосившихся рогулин. Вокруг беспорядочно расположились распотрошённые брезентовые мешки. Невдалеке стоял крытый зелёный фургон, безжизненно уткнувшись своим тупым носом в кусты. Сами же рыбаки, словно нахохлившиеся воробьи, рядочком сидели у самой кромки воды, сосредоточенно и строго внимая утреннему клёву.

Оценив обстановку, человек решительно направился в противоположный конец косы, увлекая за собой собаку. Но лишь только лапы пса погрузились в мягкий, белый песок, как его маска солидной степенности растаяла без следа. Суетливо взбрыкивая задом, он ухватил поводок, рывками поторапливая хозяина. Недолго поупрямившись, тот расстегнул ошейник и шлёпнув пса по загривку, коротко бросил - «гуляй».

Раз, второй, энергично встряхнув головой, собака, как взнузданная лошадь, помчалась в бешеном темпе по кругу, нарочито небрежно загребая лапами песок. Цепочка глубоких, влажных воронок потянулась ей вслед. Но вскоре, набрав весьма приличную скорость, пёс разомкнул круговую траекторию и словно выпущенный из пращи булыжник, влетел со страшным шумом в реку. Фыркающая от удовольствия, он поплыл, погнав впереди себя буруны.

Несколько минут спустя, пёс, широко расставив лапы, стоял на берегу стряхивая воду. Лихорадочные, волнообразные движения долго сотрясали всё его тело - от самых ноздрей до самого кончика хвоста.

Покончив с водными процедурами, он припал на передние лапы, и принялся флегматично копать яму, короткими сильными толчками выбрасывая далеко назад тучи песка. Достигнув достаточной на его взгляд глубины, пёс лёг, деловито свесив лапы в своё творение. И только теперь, высунув язык и содрогаясь от тяжёлого дыхания всем телом, смог наконец перевести дух. Не поворачивая головы, он скосил взгляд на хозяина и отметил, что тот, между тем, тоже зря время не терял, поскольку уже закинул свои удочки и сидел, удерживая цепким, неподвижным взглядом красные флажки поплавков.

Картина была весьма унылой и, немного отдышавшись, Комод решил внести в неё оживление. Лукавые чёртики запрыгали в его глазах. Он, не отряхиваясь привстал, и описав, на волчий манер, за спиной хозяина полукруг, бесшумно скрылся в прибрежных кустах.

Пёс точно знал, что через некоторое время хозяин отведёт взгляд от своих поплавков и обязательно посмотрит на выкопанную им яму, а, обнаружив её пустой, будет растерянно оглядываться по сторонам. Затем хозяин поднимется во весь рост и начнёт смешно топтаться на месте, выкрикивая его имя. Но Комод выскочит из своего укрытия лишь после того, как вволю насладится всей картиной. И тогда, виляя хвостом, даст этому встревоженному чудаку лапу, а тот, в ответ, непременно улыбнётся и потреплет его по загривку. Эта игра всегда забавляла пса своей незамысловатостью.

Однако, произошло нечто совершенно неожиданное. Плечи человека вдруг судорожно вздёрнулись и, обхватив руками грудь, он с долгим, протяжным вздохом медленно завалился набок. Через секунду конвульсия выгнула ему дугой спину, и он неподвижно замер на песке, откинув назад голову.

От удивления пасть Комода самопроизвольно открылась, а морда озадаченно склонилась в сторону. Ничего подобного раньше с хозяином не случалось. Лихорадочная работа мозга смогла представить лишь одно более-менее разумное объяснение подобного поведения, - хозяин разгадал замысел Комода и теперь сам приглашает его к игре. Однако игра была незнакомой, пёс не знал её правил, а потому решил просто подождать продолжения.

Чтобы как-то скоротать время, он стал наблюдать за поплавками. Оставшиеся без присмотра, они вместе с оседлавшими их стрекозами, медленно дрейфовали к берегу. Минута шла за минутой. € вот уже красные флажки поплавок легли возле влажной полоски песка. Теперь даже Комоду стало ясно, что рыбалка потеряла всякий смысл. Он не спеша вышел из кустов и направился сообщить об этом хозяину. Но едва он прикоснулся носом к его щеке, как сразу понял свою ошибку. Эта хорошо знакомая, источающая привычный запах щека была холодной. Ткнувшись для верности ещё раз, чуткий нос подтвердил - да, она холодная. Дело приняло совершенно иной оборот, но Комод уже точно знал, что надо делать. Всё решало время и не мешкая более ни секунды, пёс рванул домой. В его движениях не было ни нерешительности, ни колебаний, он бежал ровной размашистой рысью словно молодой, полный сил волк. Не было в мире такой силы которая могла бы замедлить его бег или заставить свернуть с пути. Ведь там, дома, было то, что так необходимо сейчас хозяину, то, что вне всяких сомнений, сразу поможет ему.

Ещё на дальних подступах к дому Комод стал истоиво, во всю силу своих лёгких лаять. Испуганная хозяйка вопросительно застыла у открытой двери. Объяснять что-либо, у него не было ни времени, ни желания и решительно, но вместе с тем мягко отстранив её в сторону, пёс оказался в комнате.

Здесь он на секунду замер.

Пушистый, серый свитер, связанный из его - Комодовской шерсти, висел на спинке стула. Сполохи памяти высветили перед глазами пса лицо хозяина. Пес увидел, как лукавая улыбка тронула уголки его рта, весело искрящиеся глаза по-свойски подмигнули, и хозяин произнес - «Если бы не твой свитер, Комод, давно уж замёрз где-нибудь».

Лязг собственных челюстей, мёртвой хваткой сомкнувшихся поверх шерстяной ткани вывел его из оцепенения, а сильные, мускулистые лапы сами бросили в обратный путь. Неистовое, радостное возбуждение предчувствия победы придало новые силы. Сейчас хозяин оденет свитер и тепло вернётся в его остывшее тело.

Безошибочное чувство направления вывело Комода к знакомому рваному краю обрыва, но вид открывшейся перед ним картины внезапно остановил его. Пушистый хвост медленно опустился до самой земли. В его горле, мешая дышать, поднялся тугой комок, а из глубины мозга всплыла горькая мысль, что он опоздал.

Там, внизу на песке всё в той же позе лежал хозяин. Только теперь он был заботливо укрыт большим куском выцветшего брезента, а стоящие рядом рыбаки, возбуждённо жестикуют и озабоченно переговаривались. Лёгкий ветерок доносил обрывки фраз, из которых он чётко мог различить лишь одно слово - «сердце». Здесь же стояла их крытая зелёная машина, все двери которой были широко распахнуты. Рыбаки, обступив хозяина со всех сторон, медленно подняли его и неуклюже покачиваясь, наступая друг другу на ноги, с трудом затолкали в свою машину, после чего втиснулись в неё сами. Несколько раз, выпустив из трубы дымные пузыри, чихнул мотор. Машина громко взревела и с натужным урчанием, медленно поползла прочь.

Какое-то время пёс отстранённо и тупо наблюдал, не имея возможности осмыслить ситуацию, потому что в голове вдруг случилась полная пустота.

Неожиданно, словно под ударом хлыста, тело Комода содрогнулось от импульса, повелевающего ему броситься вслед. Однако, вернувшаяся также неожиданно способность трезво оценивать обстановку, охладила страстный порыв души. Он вдруг увидел сиротливо брошенную, знакомую заплечную сумку хозяина, длинные тонкие хвосты свесившихся в реку рыжих, суставчатых удилиц и понял, что хозяин непременно вернётся сюда, что ждать его надо именно здесь. Как только эта простая и незатейливая мысль оформилась, то в голове постепенно воцарился порядок. Теперь уже спокойным взглядом проводив уползающую вдаль машину, Комод не спеша спустился с откоса и потрусил к берегу. Только сейчас он ощутил, как неудачно ухватил свитер. Один рукав волочился по песку и при медленном шаге время от времени попадал прямо под переднюю лапу, отчего Комоду приходилось дергать головой подобно нервной, бодливой корове.

Место он выбрал себе рядом с хозяйскими пожитками, в тени склонённых к воде ив. Здесь он наконец-то смог разжать онемевшие челюсти и отпустить свою ношу. Шерстяная тряпка мягко легла на песок, а поверх её устало распластался на брюхе Комод. Положив свою тяжёлую голову между передними лапами, он медленно сомкнул веки и приготовился ждать.

Внезапно пёс испытал чувство, которое нередко сводит людей с ума. Он оказался один в огромном, пустом мире - чужой для всех и никому не нужна его собачья преданность, потому что все живые существа либо боятся его, либо ненавидят. Он был отщепенцем, бродягой без рода и племени. И такое безысходное уныние овладело им, что морда сама запрокинулась на спину и Комод завыл так протяжно и тоскливо, что, испугавшись сам, задрожал всем телом. После чего ещё долго тихонько поскуливал.

Но постепенно вернувшееся присутствие духа помогло преодолеть это короткое наваждение. Шелест ветра, вздохи, доносившиеся с вершин ив, лепет речки, чириканье воробьёв, перекличка певчих птиц в зарослях, пронзительные, манящие запахи свежей летней травы, вся эта чудесная нежная музыка раннего лета, сплетающаяся с извечной песней жизни, служили лучшим подтверждением того, что хозяин вернётся сюда.

Он обязательно вернётся, твёрдо повторил себе пёс. И пусть теперь, ради этого, ему придётся выждать, пока время сделает свой полный оборот вокруг вечности. И пусть, ради этого, бесчисленное количество золотых лун и жарких солнц навсегда прейдёт в своём хороводе. И пусть, ради этого, ему придётся стать камнем.

Вот и вся нехитрая история, записанная со слов старого рыбака. А ты, дорогой читатель, если улыбнулся скептически над этими строками, можешь сам, при желании, найти излучину этой реки, где на песчаной косе, в тени плакучих ив, ты сразу увидишь большой серый камень-валун. Подойдя к нему и, прикоснувшись рукой, ты сможешь ощутить его тепло. Тогда поймешь сам, что не камень — это вовсе, а собака.

Собака, которая ждёт.

Тебя !

6. РЕГИСТРАТОР

Несомненно, это был Он. Пространственно-временная судорога вечности выплюнула Его из утробы небытия прямо на стул. И стул стал Его жизнью — прекрасной и немножко странной. Своим искромётно-ограниченным умом Он приводил в неопикуемый восторг всех окружающих. Даже вопросы:

— Который час?

— А можно ли?

— Как дела?

не могли повергнуть Его в смятение. Он отвечал просто и ясно, как новорождённый. И это было выше среднего понимания. И это было похоже на чудо.

Единственно, пожалуй, чего Он не знал, а от того и страдал, — Он решительно не помнил свой номер. В том и заключалась Его тайна, вечная и непостижимая. И Регистратором стал Он от бога. Силясь вспомнить порядковое своё клише, Он в диком, хмельном упоении, с безумным отчаянием обречённого блистательно раздавал номера. Всем. Даже собакам. Им Он давал свои самые заветные: разноцветно-пурпурные.

Иногда, за него работал стул, но согласитесь, что это не важно. Важен лишь номер — нескончаемая вереница знаков, чередой нулей уходящая в бесконечность. Но не было среди них одного — своего. И это сильно печалило Регистратора. В такие минуты Он часто всё путал: верх с низом, дилера с киллером, презентацию с презервативом, жизнь со смертью. А однажды, когда Он пошёл в баню, румяный цинковый банщик, весело подмигнув Ему потными бакенбардами сказал, что недавно им дали новый номер, согласно которому баня считается банком: депозитно — сертификатно — вексельным. И все банщики отныне банкиры. И не видно бы этому конца, когда б не Они. Их было

двое и Они пришли. Скорее всего это были Он и Она, потому что имели по-женски зовущие лиловые, ниспадающие ноги, покрытые лайкрой, и уснувшие в сладкой истоме мягкие, пушистые груди. Но, вместе с тем, у них были бугристо-мозолистые плечи, была хрустящая дюжинная голова с плоским свинцовым взглядом и ещё была трубка сотовой связи, — а это уже несомненные атрибуты настоящего мужчины. И всё пребывало в движении, умом не познаваемом.

Регистратор был зачарован лицезрением разнообразных, изумительных форм и их действий. Состояние медитативного транса овладело им. Если бы Ему здесь и сейчас нужно было выразить разгадку их внутреннего существа единым словом, то Он, с этой целью, готов был употребить ту санскритскую формулировку, которая так часто встречается в священных книгах индусов и называется «махавакья», что значит: «это живущее ты». Но номер, номер... Только он не давал покоя, только его отсутствие, всегда придававшее смысл и значение каждой клеточке естества, мешало сделать это.

И тогда брызнул Свет.

Реанимирующей конвульсией пронизав самую суть Регистратора, взрывом сверхновой разорвав Ему череп и мозг, Свет гигантским огненным штемпелем тиснул пространство.

А потом Свет погас.

Весёлые осколки мироздания разноцветными конфетти осыпались в звенящей пустоте ума. И остался пульсирующий знак. Только он и ничего больше.

Порядковый номер Регистраторов — 666.

Ом.

7. О СВОБОДНОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Обстановка в комнате удивительным образом напоминала бутафорию для съемок сентиментального фильма. Светло-зеленые стены со встроенными шкафами, широкая двуспальная кровать на мозаичном полу, резной, красного дерева стул, увешанный пестрой одеждой и безвкусная бронзовая статуэтка какого-то древнего божества, одиноко стоящая в углу. Неплотно задернутые темно-коричневые шторы, скрывали низко плывущие грозные облака.

Человек, лежащий на кровати, с наголо обритой головой, широко посаженными голубовато-серыми глазами, прямым носом и квадратным раздвоенным подбородком напоминал киногероя. Он не так давно проснулся и его, подернутые сонной поволокой глаза, отрешенно смотрели в потолок.

Вскоре человек протянул руку к прикроватной тумбочке и, вытряхнув из пачки сигарету, чиркнул зажигалкой. Глубоко затянувшись, он выпустил длинную струйку дыма и перевел взгляд на стену. Часы на стене показывали двенадцать с четвертью, а это значит, что осенний воскресный день уже был в разгаре. Крепкая сигарета быстро вернула привычные ощущения реальной действительности. Однако сон крепко застрял у него в голове. Лицо! Бледное, худое, с мелкими чертами лицо, явившееся ему во сне, имело странное напряженное выражение, которое еще более подчеркивали запавшие щеки и маленький, плотно сжатый рот. Это лицо было до боли знакомо.

Но кто он? Человек никак не мог вспомнить, хотя память на лица всегда была предметом его гордости. Ночное видение, словно маска застыло в сознании, но всякий раз ускользало, когда казалось, что память вот-вот настигнет его. И как это часто бывает в таких случаях, грубые вибрации неудовлетворенности вызвали состояние дискомфорта, преодолеть которое можно было лишь одним способом -

вспомнить. Человек медленно опустил веки и сосредоточился. Где он раньше видел это лицо или лицо, очень похожее на то? Пока он безуспешно искал ответ на свой вопрос, негромкое жужжание телефона нарушило покой комнаты. Отыскав рукой телефон, он подумал секунду - другую, и снял трубку.

Чем дольше слушал он своего невидимого собеседника, тем озабоченнее становился его взгляд. Спустя какое-то время он приоткрыл рот, как бы намереваясь возразить, но тут же снова сжал губы и вопросительно взглянув на часы, короткой фразой - "буду через час" решительно завершил разговор. Судя по тому, как он с треском бросил трубку и раздраженно нахмурился, чувство досады за очередной потерянный выходной глубоко овладело им. Надо было ехать. Его ждали дела.

Человек выскользнул из постели и потянулся к висящей на стуле одежде. Он все еще не мог отделаться от мысли о том, где, черт возьми, он прежде видел это лицо?

Спустя полчаса он был уже в пути. Мелко накрапывал дождь, небо впереди затягивали черные грозовые тучи. Окаймленная лесополосой четырехполосная автострада летела под колеса прямая как жердь и темная, как погасший экран.

Человек выжимал сто двадцать километров в час, обгоняя с невозмутимым видом редкие попутные машины. Безусловно, он понимал, что скорость велика для такой мокрой и скользкой дороги, но человек был явно уверен в себе, в своих силах и в своей машине. Тихо и ровно работал мотор, еле слышно шелестели на влажном асфальте шины. За окнами автомобиля мягкими, словно приглушенными дождем красками, сверкала и переливалась осень. Бесхитростная мелодия негромко лилась из радиоприемника, тоскливо повествуя хриплым голосом о пронзительной обыденности жизни.

Мелкий, морозящий дождь между тем усилился. Водитель переключил дворники в непрерывный режим и плавно заложил руль влево для очередного обгона. Все остальное произошло в считанные секунды. Еще не совсем понимая, что случилось, он почувствовал, как машина вдруг вышла из повиновения. Ее встряхнуло и юзом понесло через разделительную разметку на встречную полосу. Человек растерялся лишь на какое-то мгновение, но сразу же взял себя в руки. "Только удержаться на шоссе" - мелькнула мысль. Сбросив газ, он крутанул руль вправо, потом сразу влево. Автомобиль накренился, водителя отбросило к двери, он вновь отчаянно рванул руль вправо, затем влево, но уже не так резко, и - о, чудо! - колеса вошли в зацепление с дорогой. Но прежде чем человек успел перевести дух, прямо перед ним, из пелены дождя возник встречный многотонный грузовик.

Предпринимать что-либо было уже поздно. Все что он успел сделать, так это вдавить до отказа педаль тормоза. Шины пронзительно взвыли, человек инстинктивно уперся вытянутыми руками в руль и откинулся всем телом на спинку сиденья, пока его автомобиль с заблокированными колесами несло навстречу судьбе.

Неожиданно он почувствовал, как где-то в груди сделалось горячо-горячо, и это приятное тепло быстро распространилось по всему телу. Сознание вдруг стало ясным, все происходящее увиделось четко и в мельчайших деталях. К его великому удивлению, мысль оказалась такой тяжелой и неповоротливой, что просто не успевала за ходом событий. Она была бесполезна, на нее у человека не осталось времени. У него вообще уже не осталось времени. Взамен явилось безмолвное созерцание происходящего, осознанного контроля над которым, по-видимому, уже не было, как и не было никакого желания что-либо менять. Все больше погружаясь в неведомое ранее блаженное чувство безмятежного созерцания, теряя ощущение

собственного "я", человек, словно замороженный, смотрел как дрожат в напряжении его руки, как покрылся холодной испариной его лоб, как замерла неподвижно на отметке 120 стрелка спидометра и как, заслоняя небо и поглощая весь горизонт, на него надвигается серая стена из стекла и металла.

В самое последнее мгновение "дворники" грузовика широким размашистым движением очистили от потоков воды его огромное лобовое стекло и человек ясно увидел лицо водителя.

Бледное, худое, с мелкими чертами лицо, имело напряженное выражение, которое еще более подчеркивали запавшие щеки и маленький, плотно сжатый рот. Это было последнее лицо из всех, когда-либо виденных им в этом мире. На него вдруг снизошло странное успокоение. То, что следовало вспомнить, он вспомнил, а стало быть, освободился от наваждения. Впереди уже ждала новая жизнь.

... Лежащий на кровати человек вновь медленно опустил веки и сосредоточился. Где он раньше видел это лицо, или лицо очень похожее на это? Пока он безуспешно искал ответ на свой вопрос, негромкое жужжание телефона нарушило покой спальни. Отыскав рукой телефон он подумал секунду - другую и, не поднимая трубку, решительным движением выдернул шнур из розетки.

Сегодня был выходной. Человек имел на него полное право и намеревался распорядиться им по собственному усмотрению. Ему вдруг нестерпимо захотелось побыть одному, хоть на день уехать прочь от всей этой мирской суеты куда-нибудь за город, в лес, на природу, туда, где дождь, где падают листья, где нет места делам, словам и проблемам. Желание было столь сильным, что даже бронзовое божество, молчаливо стоящее в углу, казалось слегка кивнуло ему головой в знак согласия.

Человек выскользнул из постели и потянулся к висящей на стуле одежде. Он все еще не мог отделаться от мысли о том, где, черт возьми, он прежде видел это лицо?

Спустя полчаса он был уже в пути. Мелко накрапывал дождь, небо впереди затягивали черные грозовые тучи. Окаймленная лесополосой четырехполосная автострада летела под колеса прямая как жердь и темная, как...

8. ОНА

Она проснулась обычным, весенним днем, ее сознание не взбудоражила грязная комната и кошка, нагло спящая возле нее. По еще не забытой привычке Она пошла в ванну, где, слабо понимая, что нужно делать, долго смотрела на шампунь и другие принадлежности ванной комнаты, пока, наконец, машинально не помыла руки. Еще не успокоившаяся головная боль затмевала рассудок. Она смотрела на себя в зеркало, висевшее над умывальником, и пыталась собрать свои мысли в единое целое, одновременно думая о том, что она должна делать дальше... Ее "Я" подумало, что неплохо было бы перекусить и Она, повинувшись ему, хотя вполне, осознавая свои действия, зашагала на кухню. Неказистый на вид холодильник хранил в себе вполне съестные припасы.

Пообедав, Она направила свой взгляд в телевизор и долго созерцала фрагменты своего прошлого на пустом экране. Потом, видимо решив, что это бесполезное занятие Она включила его и внимательно слушала диктора, который читал астрологический прогноз.

Немного поразмыслив, Она решила, что была рождена под знаком стрельца, потому как стрельцам диктор советовал никому не доверять и пообщаться с живой природой... Природа в свою очередь хорошо была видна из окна, следовало выйти из дома, но, подумав, что ходить для нее было бы слишком глупо,

Она решила взлететь. Довольная собой Она прошла сквозь стекло и взлетела, с изумлением обнаружив, что летит вниз. Недолго думая, Она изобразила падающего человека, в надежде забыть происходящее и начать все заново. Очнувшись и вспоминая о происшедшем, нашла себя на кровати в окружении капельниц и

неизвестных ей приборов. Поняв, что начать сначала у нее не вышло, Она мгновенно исчезла, еще не зная где появиться вновь...

А появилась в довольно людном месте, на скамейке рядом с бабушкой, читавшей газету. Бабуля, видимо, решив завязать с ней разговор, жаловалась на свою жизнь и на то, как тяжело живется в стране, которая, по ее мнению, завязла в дерьме. Она в это время думала о том, что наверно здесь она не зря, изображая, лично для бабушки, умное лицо.

Наконец сообразив, что Она такая не одна, решила поискать своего компаньона, который довольно быстро сам нашел ее. Это была молодая девушка, с короткой стрижкой и довольно неопытным лицом, а впоследствии не только лицом.

Как оказалось, ее звали Яя.

Она молча смотрела на нее, а потом спросила: "Что мы здесь делаем?" Последовал ответ: "Стоим!" Подумав, что чего-нибудь вразумительного от нее ожидать нельзя, Она сказала только, что было бы неплохо поближе познакомиться с людьми, и тут же спросила молодого человека, проходящего мимо, где здесь поблизости находится магазин. Он долго ей объяснял, а Она терпеливо слушала, хотя ей было абсолютно все равно, по сути дела она могла попасть куда угодно, стоило только захотеть.

Разговор с молодым человеком не натолкнул ее ни на какую мысль и, мотнув Яе головой, что должно быть, означало - пошли, Она исчезла с ней в темном переулке. Когда они вышли из него, то не увидели людей, и даже улиц, была лишь одна земля, вернее нечто напоминающее землю.

Посмотрев на Яю, Она молча пошла вперед, в надежде найти хоть что-нибудь и увидела целую свалку различных предметов, которые, как по воронке сваливались с неба. Это дождь, сказала Она, дождь человеческих отходов.

Её внутренне состояние напоминало заведенную машину, которой кто-то рулит, рулит, поворачивая то вправо, то влево, то заглушит мотор, и попросит взять на буксир, потом снова заведёт в неизвестном месте, снова едет, и так бы всегда... НО...кончается бензин, а заправочной станции нет рядом, что делать?

-Пойдем дальше, - спросила Она, - или... разделимся? И уже не дожидаясь ответа, Она разделяется со своим телом, размышляя, что лучше: быть вечно свободной, или быть временно работающим механизмом, управляемым с главного пункта. Может быть, когда-нибудь, и Она будет управлять ими... СТОП!

Она проснулась обычным, весенним днем, ее сознание не взбудоражила грязная комната и кошка, нагло спящая возле нее. Все было как всегда, как вчера, неделю назад, год... просто без изменений. Её рассудок был чист и ясен, Она точно знала, что будет делать, Она будет ждать завтрашний день, чтобы прожить его так же, как сегодняшний. И так до тех пор, пока однажды, ей снова не надоест выходить через дверь, и тогда Она снова станет перед выбором...

9. ВСПОМНИТЬ ВСЁ.

Еле успел забежать в последний вагон, как за мной резко захлопнулись двери и поезд тронулся. Странно, подумал я. Как-то необычно поезд начал движение. К тому же я не мог вспомнить куда и зачем я еду. Поезд начал двигаться боком в сторону от железнодорожной колеи и всё дальше удалялся куда-то в сторону и вверх. Казалось, поезд, словно река, течёт боком, только не по земле, а в пространстве космоса.

Вдалеке показались очертания какой-то неизвестной планеты. Планета переливалась и играла ярко фиолетовым цветом. Она быстро приближалась. В осознании каждого путешественника, в том числе и меня, неожиданно эта планета стала ассоциироваться с богатством. Каждый забыл – кто, куда и зачем едет. Сразу бросилось в глаза, что вся планета окутана мелкой паутиной заасфальтированных дорог, по которым хаотически движутся причудливые сигарообразные машины различного размера, цвета и формы. В открытое окно поезда, от планеты, мне в лицо пахнуло успокаивающее тепло, которое отразилось в сознании каждого путешественника поезда. Все машины сияли и излучали ярко фиолетовые цвета, которые сливались в общий фон “цветения” планеты.

Необычная альтернатива солнцу, теплу, свету - мелькнуло в у меня в голове. Хороший подход решения энергетической проблемы, нужно обязательно познакомиться с технологиями – подумал я. Мысль о сказочном богатстве, которая исходила от планеты рассеялась у меня сама собой. На ум стали приходить необычные решения, схемы, как-бы я на земле сам смог собрать такие сигарообразные коконы, источающие красивый свет, цвет и завораживающее тепло. Нефть и газ перестанут приносить вред окружающей среде, и наша земля может стать такой же красивой, как и эта планета. С упорством маньяка,

наблюдая за приближающейся планетой - так я размышлял, пока ход мысли не прервал стук колёс поезда. Поезд медленно, сначала одной стороной всей линейки железнодорожных колёс, потом другой, плавно коснулся поверхности не известной мне планеты. Встал плавно на подготовленный заранее какой-то неизведанной силой железнодорожный путь. Первое, что бросилось в глаза, это то, что кроме пассажиров поезда больше вокруг никого нет. Никто нас не встречает. Людей встречали и манили своими открытыми дверями множество, стоящих рядом с поездом, причудливых машин сигарообразной формы. Все они переливались ярко фиолетовыми цветами. Разместившись в одной из причудливых машина, нас повезли, как все полагали, ведомые чьей-то первоначальной мыслью планеты - за халявным богатством. Ум каждого источал только одну общую, навязанную извне мыслью – денег, денег, и побольше. Все трепетали в интригующем ожидании какого-то счастья каждому. Меня почему-то больше всего привлекала техническая сторона функционирования этих машин. На каком принципе работы построены, каков источник энергии – постоянно стучало у меня в голове.

Неожиданно машина остановилась и через открывшуюся дверь нам был виден вход в дом с одним большим прозрачным стеклянным куполом шарообразной формы. Через стекло купола лился ярко-фиолетовый, переливающийся свет, манящий всех своей тайной пройти внутрь. Внутри стояли стройными рядами стеллажи, на которых лежали, строго упорядочено, пластиковые коробки. В каждой коробке лежали ровные стопки золотые монет разных номинаций времён развала СССР. Манили себя мыслью – возьмите нас всех.

Странно, подумал я. Почему монеты из золота... почему все монеты разного достоинства (10 копеек, 5 копеек, рубль и т.п.) имеют одинаковый диаметр и высоту, т.е. откалиброваны для чего-то таинственного и интригующего.

Для остальных пассажиров дивной колесницы в умах стоял только один вопрос: зачем монеты здесь. И напрашивался только один практический ответ на этот вопрос. Все набросились на эти стеллажи и с усердием дикаря стали набивать монетами все свои карманы.

Я поддался соблазну толпы и тоже начал рассовывать по своим карманам золотые монеты. Потом обменяю на какую-нибудь полезную гравицапу или на худой конец – на кару пару КЦ для очередной безумной идеи – думал я. Брал только 5-ти рублёвые. Почему то они меня больше всего интриговали, особенно своим блеском и игрой переливающегося цвета.

Опустошив все стеллажи и довольные своим успехом все ожидали прекрасного завершения такого удачного, как всем казалось, чудо путешествия.

Неожиданно стеклянный купол дома с его содержимым стал превращаются в песок и все мы с набитыми карманами железных денег оказались посредине нескольких высоких песчаных холмов, которые были раньше стеллажами, куполом, полом дома.

Обратил внимание, что в отличии от других, все мои 5-ти рублёвые монеты в карманах превратились в песо, который благополучно вытек через мелкие отверстия карманов. Я пытался понять, не что произошло, а как это произошло. Не найдя ответа я стал замечать, что чем дольше проходило время, тем страннее вели себя люди. Каждый старался украсть у другого как можно больше монет из карманов, пока другой отвлекался на что-то. Чтобы не быть пойманным люди стали глотать украденные монеты. И в какой-то момент все монеты из карманов оказались в желудках людей. Воровать больше было не чего и не у кого. Такая ситуация стала всех утомлять. Люди с полными животами золота прибывали в томительном ожидании причудливых сигарообразных машин. Я отчётливо слышал работу мозга каждого человека. Только одна общая мысль пронзала всю

планету – нужно успеть попасть на землю раньше, чем настигнет естественная надобность. Меня же интересовал только один вопрос. Если мои золотые монеты в карманах при чудесном превращении превратились в песок, то и у других в желудках они могут превратиться в песок. И что тогда делать? Рассказав это всем – мне никто не поверил. Сказали только, что я конченный дибил, раз не взял ни одной золотой монеты.

Шло время, ситуация становилась всё напряжённее. Общая мысль, пронзвающая планету – нужно успеть попасть на землю раньше, чем настигнет естественная надобность стала сменяться мыслью, как поступить, если раньше времени нападёт естественная нужда.

Наблюдая да сменой хода мысли людей, краешком глаза замечаю, что из-за холма движется в нашу сторону долгожданная машина причудливой формы сигары на колёсах. Машина искрила успокаивающим переливающимся серебристым оттенком ярко фиолетового фона планеты. Ловлю себя на мысли - это какое-то местное технологическое чудо, с технологиями которой мне обязательно нужно познакомиться поближе.

После осознания идеи необходимости более тесного знакомства с технологиями этой планеты - не известная мне сила переносит моё сознание в будущее. Я отчётливо вижу, как эта серебристая сигарообразная машина на колёсах во всей красе подъезжает и останавливается в центре людской толпы жаждущих скорейшего возвращения домой. Затем происходит чудо. Вместо открытия дверей машина преобразуется в большой букет цветков ярко жёлтых одуванчиков на покачивающихся на ветру стеблях. Колёса превращаются в корни, которые вырастают в песок планеты. Сознание заорожила красота расцвета букета. По мере любования букетом чувство неопишуемой радости резко сменилось чувством ужасного

страха, когда увидел очертания концов каждого лепестка, каждого цветка из букета. Они все заканчивались замаскированными стальными стволами, как мне казалось, пулемётов Дегтярёва. Окружившая публика почему-то этого не видит, или не хочет видеть и начинает рукоплескать спектаклю расцвета машины в чудо букет. Далее вижу град летящих пуль, которые разрывают человеческие тела насквозь не щадя никого, в том числе и меня.

От боли сквозного ранения неведомая сила возвращает меня в настоящее. Снова вижу снующих вокруг меня всё тех же людей с полными желудками золотых монет времён распада ССС. Замечаю, что людей начинает интриговать, гипнотизировать этот дивный шедевр технологического расцвета планеты. Они все всё ближе и ближе подходят к машине. Машина всё больше и больше собирает “богатых” пассажиров с поезда равномерно вокруг себя.

Но будущее, то, я уже знаю!

А они все нет!

Первое, что приходит в голову, и что я начинаю делать, так это - махать руками, кричать людям, чтобы они все немедленно убежали от машины. На каком-то этапе приходит осознание, что людей моё такое поведение начинает напрягать. Начинаю слышать от кого-то смех, от кого-то угрозы. Вижу, как одни вызывают милицию, другие – скорую помощь.

Тем временем сигарообразная машина заезжает в центр людской толпы и плавно останавливается. Люди уже полностью обступают такую чудную машину в надежде скорейшего убытия с этой планеты. На бегающего и орущего меня уже никто не обращает внимание. Я для всех перехожу на второстепенный план. Все пребывают в предвкушении скорейшего убытия с этой планеты богатыми и преуспешными.

Но, начинается процесс трансформации машины. Все видят, как машина начинает расцветать прекрасным букетом ярко жёлтых одуванчиков, которые ещё больше интригуют зевак.

Ну а дальше всё как в видении...

...

Да и не всё, как в видении...

Вместо того, чтобы стрелять – окончания лепестков своими стволами начинают подобно магниту, со страшной силой, втягивать в себя монеты из внутренних органов людей. И только сейчас я нахожу ответ на мой вопрос, почему все монеты разного достоинства имеют один размер. Ведь проходное сечение каждого ствола едино, поэтому и монеты все откалиброваны под единый размер ствола.

Монеты вырываясь, разрывают плоть, стремительно мчатся и поглощаются стволами цветков, которые я ошибочно в своём видении принял за стволы пулемёта Дегтярёва. Как хоботы слонов, засасывают все монеты. По мере полёта каждой монеты, последние дополнительно разрывают все человеческие тела, стоящие по ходу движения монет. Оставляют на песке страшное кровавое месиво тел, как после мясорубки. Вижу, как монеты пролетают и сквозь меня. Только в отличии от других, они не причиняют мне вреда. Пролетают, можно сказать, как сквозь пустоту. Я осознаю тот факт, что являюсь сторонним наблюдателем этой необычной картины. Мне не страшно, а некомфортно.

Вижу, как, закончив дело, букет ярко жёлтых одуванчиков своими стволами причудливым образом трансформируется в букет белоснежных пушистых шариков одуванчиков. Эти шарики от дуновения ветра распадаются на множество пушинок-парашутиков.

Замечаю, что вместо семечки новой жизни, каждый парашутик несёт различного достоинства золотые блестящие монеты времён распада СССР. Ветер калибрует полёт таких парашутиков, трансформируя по мере движения их обратно в дома с стеклянными шаровыми крышами с внутренними рядами стеллажей с упорядоченно размещёнными золотыми монетами времён распада СССР для новых свершений.

Корни и стебельки букета быстро высыхают и превращаются в пыль. И вот уже следующее дуновение ветра полностью зачищает песок от остатков такой пыли сигарообразной машины. Не остаётся и следа на песке.

Обезображенные, окровавленные тела людей, лежащие по кругу от эпицентра событий начинают преобразовываться чудесным образом в маленькие коконы на колёсиках серебристого цвета, которые по мере преобразования разъезжаются по планете в разные стороны.

В голове сидит одна мысль – что это за технологии такие. Пытаюсь воспользоваться последней возможностью понять – засовываю голову по пути следования машины. Наивно полагая, что если все движущиеся монеты мне не причинили вреда, то и машина не сможет. Зато я увижу её конструкцию изнутри своими глазами. Но я как всегда ошибся. Мне не больно...

Я с трудом успеваю забежать в последний вагон поезда, как за мной резко захлопнулись двери и поезд тронулся.

И никак не мог вспомнить куда и зачем я снова еду.

10. РЕЧНОЙ КАМЕНЬ

Последнее время я всё свободное время проводил в парке отдыха, что находился недалеко от моей квартиры. Нравилось сидеть на лавочке в водовороте жизни. Нравилось просто смотреть, как вокруг течёт жизнь. Каждая прогулка всегда начиналась одной и той же мыслью – ну что, пойдём посмотрим какую-нибудь театральную постановку.

Сами люди почему-то меня абсолютно не интересовали. Для меня они были только актёрами. Кто они такие, взгляды, убеждения, их внутреннее содержание не затрагивало меня. Мой интерес был направлен только на то, что актёры прямо сейчас делают, как себя ведут друг с другом. Особенно интриговали сюжеты со звуком, когда удавалось слышать всё, что говорили мои актёры. В основном такие сюжеты хорошо игрались детьми. Дети никогда не зацикливаются на идее о том, что за ними кто-то наблюдает, поэтому место в “театре” в этом случае я занимал в партере, в непосредственном центре детского действия.

Если действия разворачивались во взрослой среде, здесь был вынужден занимать место в “театре” на балконе, подальше от сцен. Было только одно неудобство. Звук для меня был частично приглушён или не разборчив. Свободные места в партере всегда есть, но я близко к сцене старался не находиться. Здесь важно главное отличие игры актёров в театральном спектакле от игры взрослых актёров в спектакле жизни парка отдыха. Театральным актёрам обязательно нужно внимание зрителя. Без него рушится сама концепция театрального действия. А с взрослыми актёрами спектакля жизни парка отдыха всё в точности на оборот. Никому не нравится, когда за ними кто-то пристально наблюдает. Сторонний пристальный, пронзительный взгляд раздражает любого взрослого человека. ЭГО человека готово на

всё, чтобы, как минимум, не знать, что за ним кто-то наблюдает. Согласитесь – никому не нравится, когда кто-то трахает Эго.

Это обстоятельство и игра взрослых актёров стала мобилизовать все мои чувства для ясного понимания происходящего. Находясь вдалеке, постоянно приходилось напрягать всё своё внимание и восприятие. Казалось, что в это время внешний мой мир переставал существовать для меня. Просмотр театральные сцен превратился в практику ритмических возвратно-поступательных движений внимания и восприятия между мной и актёрами сцен. Концентрический луч сосредоточенного внимания/восприятия скользил по внешним формам актёров, окутывая их как коконы и протыкая насквозь.

Восприятие стало разжигать различные мои чувства и неожиданно расцвело новыми знаниями. Находясь в зоне прямой видимости от актёра, на которого был направлен концентрированный луч внимания, мне стало казаться, что я стал галлюцинировать слухом актёра. Со временем слуховые галлюцинации превратились в новые звуковые ощущения чужого мира актёра. Для меня мой мир звуков расширялся новыми территориями, в которых я становился безучастным свидетелем. Становился сторонним наблюдателем чужого мира звука.

Эти знания интриговали новыми свершениями. Если получилось со слухом, то почему это не может повториться, например, со зрением, или тинктурой, спрашивал я себя.

Со временем я научился наблюдать за всем, что отражалось в чувствах актёра. Я наблюдал за тем, что моментно слышит, видит, чувствует, осязает актёр. Это стало подобно игре в шпиона, только с одним исключением. Полученная разведывательная информация не передавалась для анализа в выше стоящие структуры разведки, а немедленно и безвозвратно уничтожалась самим шпионом, т.е. мной.

Ежедневно, на прогулках, мой мир стал прирастать областями чужих миров, по которым мне всё больше и больше нравилось скользить безучастно. Сторонняя игра чужих чувств не воспаляла мой ум. Не заставляла ритмично работать собственное сознание над решением чужих проблем, которые рождались чужой игрой чувств. Яркий свет не резал мне глаза, осязание не причиняло боли, запахи не раздражали. Я как бы скользил по чужому миру сторонним безучастным наблюдателем.

Мне нравилось всё свободное время проводить в парке отдыха за таким занятием. Нравилось смотреть театральные постановки, как говорит продвинутая молодёжь – с собственным интерактивным участием там, где меня нет, там, где я был в безопасности.

Мир актёра и мой мир, это всегда два разных мира. Например, я не знаю иностранных языков. Подключаясь к актёру иностранцу – я слышу речь, но не понимаю её. Или маленький ребёнок видит в первый раз в жизни что-то известное. У ребёнка смятение. Ему нужно сначала подойти, потрогать это, услышать от матери набор слов, чтобы потом самому это повторить. А для меня это было очевидно.

Безучастное наблюдение чужих миров радовало меня до тех пор, пока в моё сознание не начали проникать мысли актёров, т.е. их осознание собственных миров. Мне стало казаться, что оба наших мира стали сливаться в один общий запутанный клубок. Стал путать собственное сознание с сознанием актёра. От воспринятого, мой ум воспалялся и пытался решать чужие проблемы, ощущал чужую боль, как свою, переживал чужое, как своё. Это стало походить на бездну мыслеворота, из которого каждый раз всё тяжелее и тяжелее было самому выплыть. Со своим миром грёз, страданий, переживаний я пока ещё справляюсь, а вот взвалить на себя новые чужие страдания, переживания, грёзы было уже невыносимо. Сидя на лавочке и быть разбуженным любым внешним раздражителем от глубокого сна - так

выглядел финал такого спектакля со стороны. Самому вырваться из таких мыслеворотов миров не было возможности.

Инстинкт самосохранения заставил полностью прекратить просмотры таких театральных постановок. Игры с осознанием чужих миров были закончены.

Неожиданно для себя обнаружил, что животные идеально подходят для новых театральных премьер. Их органы чувств и моё осознание происходящего не вступает в противоречия. Я мог с удовольствием наслаждаться полётом птиц в зоне моего внимания, т.е. непосредственно участвовать в полёте. Видеть, чувствовать их мир. Переживать ощущения полёта в реальности до последнего дуновения налетающего ветерка, до последней перегрузки, как говорят лётчики.

Рядом с парком находилась старая телевизионная вышка. Телевышка была любимым местом тусовки местных голубей, которые ежедневно, на самой верхней площадке обслуживания коротали время. Ждали, пока кто-то из детишек не начнёт разбрасывать крошки хлеба.

Воздухоплавание стало любимым моим занятием. Однажды, воспринимая мир одного голубя, который сидел на самой верхней площадке обслуживания телевизионной башни, я ощутил его лапками что-то приятно успокаивающе. Он стоял на чём-то маленьком и таинственном для меня. От этой тайны исходило что-то манящее. Это точно был не металлический пол, мелькнуло у меня в голове, но что? Тут он наклонил голову и я, его зрением, увидел голубоватый речной маленький камушек, на котором он стоял, обхватывая его со всех сторон, как жонглёр в цирке на канате. Голубь позволял мне своим осязанием видеть тайну камня, свидетельствовать всё, что происходило с ним и вокруг него. Можно сказать, что моё осязание стало видеть, зрение стало слышать, слух стал обонять и т.п.

Осязание зажгло все мои чувства. Я оказался в эпицентре жизни камня и мог видеть, что свидетельствовал он собой. Первый вопрос

который возник у меня – как ты здесь оказался? Мгновенно я увидел следующее. Осень, 102 года назад. Вместо парка, где я сижу на лавочке находится строительная площадка телевизионной башни. Вижу. Как на меня наступает сапог строителя. Я с грязью приклеиваюсь к нему и поднимаюсь на самую верхнюю площадку обслуживания. Отвалившись сапог пинает меня в угол. Тут на земле рядом со мной кто-то высыпал хлеб, как тот час вся стая голубей ринулась вниз за кормом.

Мгновенно тайна камня выкинула меня обратно в мой мир. Я сижу в парке на лавочке у старой заброшенной телевизионной вышки и больше ничего не хочу, только вернуться обратно.

Заворожённый увиденным, быстро пошёл домой. Тайна камня стучала в моей голове, не давала покоя. Ни о чём другом я не мог думать. Зайдя домой, и даже не раздеваясь, я лёг на кровать.

Я стал камнем.

Так мы и лежим в вечности вместе. И никто уже не может нас разлучить. Что станет или стало с моим телом – я не знаю. Да уже и знать не хочу.

11. **ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС?**

Моя профессиональная деятельность - специалист по контролю за рождением, развитием и умиранием миров института бытия.

Метафизически, наш институт является безграничным и беспредельным кладезем знаний. Можно сказать, что институт является самой книгой бытия, в которой хранится всё, что было, что есть и что будет. Мы наблюдаем посменно и круглосуточно без вмешательства за рожденьями, развитиями и умираниями всех миров. Перед сменой получаем задачи и инструкции по объектам наблюдений. В конце смены все свидетельства документируются и направляются обратно в книгу бытия.

Если миры развиваются по плану, согласно книге бытия, наши свидетельства уничтожаются. Если нет, то книга бытия корректируется новыми свидетельствами. Но такие ситуации встречаются крайне редко. Всё работает в вечности, как часы. Без сбоев.

В общем, работа мне нравится. Простая и не пыльная. Наблюдай и фиксируй. Большой плюс работы в том, что нам по долгу службы разрешён доступ манипуляциям не только пространством, но временем. Это было вызвано оперативной необходимостью соответствия занимаемой должности. Все отслеживаемые действия каждого мира в здесь и сейчас, я обязан проверять будущими последствиями таких действий. Это была одна из главных задач моей работы. Прошрое уже находилось в книге бытия и не представляло для интересна, а вот будущее было только предопределено. Эту предопределённость мы и наблюдали.

Каждый рабочий день начинался с того, что я направлял свой луч пространственно-временного внимания/восприятия на миры и

свидетельствовал с проверкой последствий действий объектов мира в здесь и сейчас.

Заканчивался день всегда тем, что я отправлял материалы наблюдения в книгу бытия и шёл отдыхать.

Так продолжалась рутинная работа в вечности, пока однажды, в конце смены, возвращаясь домой, по ходу движения луча внимания/восприятия, засвидетельствовал аномалию в бытии. В сфере пространственно-временного внимания/восприятия возник и сразу же исчез, словно ни от куда, новый мир, которого никак не должно быть в это время и в этом месте.

Новый мир, как бы, подмигнул мне своим присутствием и исчез. Галлюцинация... нужно срочно в отпуск, подумал я. Но с каждым рабочим днём в бездне тьмы стал замечать что “подмигивание”, проявление нового мира становится всё более визуализированным. Новый мир стал манить меня своей тайной. Посмотри, узнай то, что ты ещё не знаешь - стало всё отчётливее отражаться в моём сознании.

В институте у меня был допуск ко всем тайнам бытия, как мне сказали. Я знал абсолютно всё. Я знал, что, где, когда и как возникает и исчезает в любом месте и времени бытия. Увиденное мерцание в бытии заинтриговало меня. Получается, что я чего-то не знаю.

Не стал писать докладную записку. Решил сначала сам во всём разобраться.

На следующий день, после получения задач по объектам наблюдений, начал смену с того, что направил свой луч внимания восприятия в тьму бездны и стал ждать.

Где-то в стороне появился новый, интригующий меня мир, который я мгновенно окутал весь своим вниманием и начал воспринимать происходящее.

Первое, что мне показалось, так это то, что этот мир мне был знаком. А с другой стороны я свидетельствую что-то новое и

неизвестное. Моему восприятию была представлен классическая сознательная жизнь на одной планете. Таких, за всю мою вечную работу наблюдателем было бесчисленное множество. Новый мир был технократичен. Мир был в апогее своего развития и медленно умирал. Такое заключение основывалось на том, что вся планета была окутана едким смогом, который я почувствовал первым. Люди сами подвели свою планету к краю пропасти. Недра полностью опустошены, воздух загрязнён до предела. Кругом войны, болезни, голод. Природные катаклизмы творят своё опустошительное дело. Мир умирал. Неожиданно пришло понимание, что я знаю этот мир.

Это был мир людей с планеты земля.

Следующие вопросы возбуждали моё сознание. Как такое могло произойти без записей в книге тайн бытия? Почему этот мир неожиданно возник там и в том месте, в котором его не должно быть. На сколько я был осведомлён знаниями – земля скоро должна была в очередной раз скинуть людей. Только это должно было произойти в другом месте пространства и времени.

Сняв своё внимание/восприятие с этого мира, решил посмотреть, что же тогда находится там, где в это время должен был быть этот мир людей на планете земля с точки зрения книги тайн бытия. Я вдруг осознал, что там, где мир людей с планеты земля должен был быть - там ничего не было, лишь пустота.

Вот это сюрприз, подумал я. Такого сбоя системы за всю вечную историю наблюдений ещё не было. Но что произошло? Что заставило изменить пространственно-временной вектор развития этого мира?

Ответы на эти вопросы нужно было искать в новом (старом) мире. Обратно вернулся в новый (старый) мир людей с планеты земля и стал просто наблюдать, играясь единым временем. Ускоряя и замедляя ход течения времени - я был поражён свидетельствованием. Такого не должно быть, твердило моё сознание. Это нарушает все законы

бытия, всего и вся. Вся жизнь, весь понятийный аппарат мира людей перевернулся с ног на голову. Поменялось само направление временного вектора развития общества.

Мир людей на планете земля развивался по лучу времени в обратном направлении. Жизнедеятельность в этом мире на единственном принципе взрывных процессов по какой-то, неизвестной мне причине, стала невозможной. Основа энергетики, т.е. жизнедеятельности в мире, связанная с расширением продуктов и выделением большого количества тепловой энергии в какой-то момент изменилась на обратную. Эксплозия сменилась имплозией.

Технологический смысл всей жизнедеятельности человечества на планете земля заключался наоборот, в упрощении технологий, в возврате в атмосферу кислорода, как обязательного элемента любого взрывного процесса. Люди наполняли полезными ископаемыми опустошённые недра земли. Очищали своими технологиями реки, озёра, атмосферу с постепенным разбором таких машины, механизмов. Постоянно упрощали всё.

Для меня жизнь в этом мире свидетельствовала развитием в обратную сторону, от будущего к прошлому, от большего к меньшему. По ходу движения абсолютно всё разуплотнялось, уменьшалось и превращалось обратно в различные потенциальные энергии, которые как губка поглощались атмосферой и недрами земли. А для жителей мира это было естественное развитие из прошлого в будущее. Инь и Янь поменялись местами. Рождение и смерть поменялись местами. Всё в этом мире по мановению какой-то неизвестной силы стало с ног на голову.

Классический процесс жизни в этом мире для меня тек в обратном направлении. Каждое мгновение было одновременно для меня и прошлым и будущим. Различать прошлое от будущего я, вроде как всезнающий, уже не мог. В среднем, в этом мире людей с планеты

земля каждая жизнь зарождалась в земле. Заканчивалась жизнь уже поглощением другой жизнью. Для людей этот процесс выглядел следующим. Заблаговременно семьи людей целенаправленно ходили по кладбищам. По фотографиям на камнях выбирали приглянувшихся новых членов своих семей. Люди годами ухаживали за местами лежки будущих членов своих семей. Тщательно оберегали места лежки, убирали неожиданно появляющийся хлам в виде цветов и прочей утвари. Пребывали в томительном ожидании, когда настанет срок, указанный под фотографиями на камнях. В указанное время заказывали специальную команду землекопов, которая доставала из земли будущие новые жизни и отвозила на предварительную подготовку к рождению в специальные родильные дома. После подготовки будущих людей, также специальным транспортом, отвозили в определённые места рождения. В этих местах заранее собиралось большое количества людей. В основном, это были родственники, близкие и знакомые будущего члена общества, которые постоянно смеялись и веселились. Новые люди в обществе появлялись уже с врожденными готовыми знаниями, готовыми сразу влиться в технологический процесс имплозии общества. Со временем каждый человек общества начинал забывать часть врождённых знаний, уменьшался в размере и становился всё больше беспомощным. Требовал всё большего ухода со стороны другими членами общества. Жизнь человека уменьшалась и заканчивалась. И в какой то момент его совсем беззащитным увозили в дома смерти, где он бесследно исчезал в теле родственника. Становился источником жизни этого человека. В этом не обычном мире ничего даром не пропадало. Любая плоть, мусор, отходы, грязь были драгоценным источником энергии, как для людей, так и для всей планеты земля с её атмосферой. Для всех других живых организмов весь процесс жизни выглядел на много проще.

Поиграв в этом мире со временем я неожиданно осознал тот факт, что я чего-то не знаю. Чего-то не понимаю. Раньше я думал, что знаю абсолютно всё. Сейчас я пребывал катарсисе. Если все процессы бытия всегда текут рекой в одном направлении, то этот мир показал, что это не так. Согласно свидетельствам, получается, что любой настоящий момент является одновременно частью прошлого и частью будущего. Но это абсурд, это бред! Такого просто не может быть! Получается, что реки времени нет! Получается, что самого, как такового времени в бытии просто нет. Сама концепция времени становится великим обманом. Такие мысли пульсировали в моем сознании.

Закончив смену, я решил никому, ничего не говорить. Первый раз за всю вечную историю наблюдений я не стал отчёт свидетельства направлять в книгу тайн. Сначала решил разобраться во всём сам.

По дороге домой в сознании кружилась водоворотом тьма вопросов следующих векторов развития. Почему так произошло? В чём причина? Если нет времени, то что же тогда есть? Если времени нет, тогда не должно быть и пространства? Может вообще ничего нет. Тогда кто я?

На следующий день решил на работу не идти, взял отгул. Вопросы без ответов не давали мне покоя. Можно предположить, думал я, что есть только атомарное “здесь и сейчас”. А смена этого атомарного “здесь и сейчас”, или частота мерцания этого атомарного “здесь и сейчас” и была ошибочно постулированная в книге бытия как время. Но кто тогда управляет частотой переключения атомарного “здесь и сейчас”? А Книга тайн бытия является ли таковой после засвидетельствованного? В общем, клубок вопросов без ответов всё нарастал и нарастал...

Здесь нужно взять паузу для осмысления происходящего.

Может быть, ответы на вопросы будут заявлены чуть позже. Или они уже были заявлены ранее, но затерялись в бездне мыслетворчества...

12. ПРИЛОЖЕНИЕ

Добро пожаловать в мир идей, экспериментов и творчества -
vihrihaosa.ru

13 ЛИТЕРАТУРА

1. Метафизика. Книга 1 из 7. Физика бытия или жизнь в мире ощущений. 2022 год. г. Череповец.
2. Метафизика. Книга 2 из 7. Квантовый мир сознания. 2022 год. г. Череповец.
3. Метафизика. Книга 3 из 7. Научный подход исследования ума. 2022 год. г. Череповец.
4. Метафизика. Книга 4 из 7. Сборник метафизических повествований. 2000 год. г. Череповец.
5. Метафизика. Книга 5 из 7. Сборник метафизических афоризмов. 2020 год. г. Череповец.
6. Метафизика. Книга 6 из 7. Теория материального и не материального мира. 2018 год. г. Череповец.
7. Метафизика. Книга 7 из 7. Диалог ума с не умом или записки следователя НКВД. 2018 год. г. Череповец.